№ 51 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

МАЙ-СЕНТЯБРЬ 1956 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

32-й год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ВЫБОРЫ

Приближаются выборы президента и вице-президента, а также многих сенаторов и конгрессменов, губернаторов, судей, мэров и других более мелких представителей власти, номинируемых "боссами" той или иной политической партии. Выборы еще далековато, но предвыборная шумиха началась давно. Она значительно усилилась после конвентов двух главных партий — демократической и республиканской, разработавших на своих съездах стратегические планы борьбы за господство в стране и за руководство ес внутренней и внешней политикой.

Заправилы партий, орудующие главным образом в больших городах и густо населенных центрах, где развились и утвердились всякого рода злоупотребления, поборы, взяточничество, политический фаворитизм и разные "рэкеты," искусно дирижируют хорами многочисленных подпевал, всячески расхваливающих "исключительные качества," "замечательные достоинства" и "таланты" их ставленников и в то же время с жаром поносящих (порой очень грубо) кандидатов других партий, обвиняя последние в неблаговидных актах, в разбазаривании общественных средств и национальных ресурсов, в хищениях и т. д. Одним словом, между партиями развертывается горячий политический спор, так или иначе затрагивающий обывателей и привлекающий их внимание возрастающей интенсивностью.

Кампания ведется не только на массовых митингах в огромных залах, где выступают с речами важные кандидаты и знатные политические дельцы, но и на площадях да на углах улиц, а также по радио и телевидению, в газетах и журналах. Составляются лозунги, печатаются памфлеты и листовки, раздаваемые прохожим на улицах. Выставляются портреты кандидатов. В общем используются все средства пропаганды, чтобы ошеломить или пронять чем-нибудь черствые сердца обывателей, зажечь их огнем борьбы, втянуть в кампанию и склонить на свою сторону. Для этой цели главари партий мобилизуют все свои силы и тратят на предвыборную кампанию огромные суммы денег. Да и само ведение кампании, рассчитанное на привлечение публики и обставленное аттракционами, довольно своеобразно. С одной стороны это как бы цирк, с артистическими и клоунскими выступлениями, шумной музыкой, шествиями, "зарядками" энтузиазма и т. п., а с другой—словесное состязание между партиями, их кандидатами и ревностными адептами этих партий, для которых спецы, хорошо знающие закулисные делишки политпартий, составляют платформы, а то и речи кандидатов.

Искусно сколоченные платформы, одобренные конвентами, и являются партийными программами, которые, кстати сказать, мало чем отличаются друг от друга. Впрочем, суть дела не в программе, а в ловкости игры: кто наиболее изворотлив, находчив и удач-

лив, тот обретает популярность и шансы на вотум во время выборов. Программа же служит только вывеской, затейливо и виртуозно расписаной ко дню выборов, чтобы манить к себе тех, кто вывеской очарован. По этим соображениям партийные лидеры не скупятся на обещания: в своих программах они сулят обывателям всякие блага и облегчения.

На практике однако всегда получается так, что после выборов обещания забываются так же легко, как и включаются в программы. Спрашивается: если политические партии, столь ожесточенно борющиеся между собою за господство в стране и с яростью обличающие одна другую в злоупотреблениях и хищениях, не могут выполнить своих обещаний, то почему и зачем они это делают? Ларчик открывается просто:

Руководители партий считают вполне нормальным применять в предвыборной игре всякие трюки, в том числе и обещания, которые ни к чему не обязывают. Да и в самом деле: что может дать обывателям политическая партия, если бы она даже искренно желала это сделать? — Ровным счетом НИЧЕГО по той простой причине, что партия, как таковая, сама ничего не имеет, хотя отдельные ее члены имеют даже миллионные состояния. Но это миллионы частных лиц, а не партий, заправилам которых они бросают некоторые подачки в виде пожертвований с тем рассчетом, что к своим состояниям они прибавят новые миллионы, когда их партия доберется к власти. Следовательно, политическая партия может только взять, но не дать. Наиболее ярким примером тому служит т. н. пролетарская партия в России, именующая себя коммунистической: она все забрала и превратила всех тружеников в рабов.

Главная цель каждой политической партии — любыми средствами привлечь на свою "музыкальную карету" побольше ездоков, т. е. сторонников, чтобы в день выборов получить большинство обывательских голосов и занять не только привилегированное положение в обществе и доходные посты в правительстве, но — что самое важное — стать в первые ряды у общественного пирога в десятки миллиардов долларов, ежегодно взимаемых с трудового населения прямыми и косвенными налогами. Чем ближе к пирогу, тем больше шансов откромсать толику покрупнее. Кромсанья бывают столь наглы и смелы, что даже могущественные партийные машины не могут скрыть их. Тогда дело всплывает на поверхность. Растратчиков судят и отправляют на некоторое время в каталажку на отдых. Такими "героическими подвигами" политических дельцов пестрит газетная хроника.

Из всего вышеизложенного следует, что горячая предвыборная шумиха политических партий ведется не за какие-то высокие идеалы, о которых говорят кандидаты в президенты, а за эгоистические, корыстные, —стяжательски - шкурные, материалистические интересы дельцов, изловчившихся на купле-продаже и призывающих себе на помощь духовенство. Барышники всем руководят и задают тон. Партийные машины выполняют их волю, а пропагандисты создают политическую атмосферу привольного житья, которое далеко не соответствует действительности.. Указывают, как на пример, что ныне работают 65 миллионов человек, но умалчивают о том, что промышленность, начиная с корейской войны, в значительной мере работает на вооружение, выполняя многомиллиардные заказы правительства, т. е. работают на войну.

Решение вопроса, какая партия получит бразды правления после выборов, предоставляется, конечно, на усмотрение обывателей. Их дело маленькое и не сложное — зарегистрировать свой голос в избирательном участке. Вот и все. Кандидаты же на правительственные должности, получившие большинство голосов, становятся на известный период времени т. н. "слугами народа."

Но эти "слуги," заняв командные посты, превращаются в повелителей народа, а народ — в объект эксплуатации.

А вот в СССР, где уничтожены всякие другие партии, подкарауливающие друг друга, за исключением господствующей партии большевиков, положение еще хуже: диктаторствующая партия объявила себя единственным монополистом, в руках которого сосредоточена ничем не ограниченная власть и все средства и орудия производства. Она — единственный хозяин и повелитель, держащий всех и вся в политическом, экономическом и духовном рабстве.

В заключение можно сказать, что ни буржуазные, ни пролетарские политические партии не дадут народам избавления от угнетения и эксплуатации человека человеком. Для этого нужно везде и всюду всемерно усиливать свободническое движение и бороться за равенство в правах и справедливость для всех.

Марк Степной.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Перевоплощения возможны и в сфере социальных взаимоотношений. История человечества подтверждает это. Вот, к примеру, американские (да и не только американские) профсоюзы или тред-юнионы. Остановиться на них весьма кстати, так как в этом году исполнилось 70 лет со дня кровавых событий на Сенной площади в Чикаго, вошедших в историю рабочего движения под названием Чикагской Драмы, которая, как известно, разыгралась на почве требования введения 8-часового рабочего дня и признания за рабочими права на организацию по ремеслам. Стало быть, и 8-часовый рабочий день, и профсоюзы, т. е. идея тред-юнионизма, 70 лет тому назад считались чем-то необыкновенным — крамолой. Работодатели полагали, что если требования рабочих будут удовлетворены, то им, работодателям, придется пойти с сумкой по миру. А случилось ли это?

Рабочие теперь объединены в мощные профессиональные союзы, но эти союзы нисколько не подрывают благополучия хозяев. Сам собою напрашивается вопрос: почему так случилось? Почему то, что 70 лет назад казалось угрозой работодателям, теперь не только не угроза, но до некоторой степени даже подспорье?

Переключению тред-юнионов из классовой борьбы в классовое содружество способствовали главным образом два фактора: 1) административный аппарат юнионов и 2) отравляющая сила капитализма превращать почти всякое здоровое начинание в больное. Едва ли будет большим преувеличением, если сказать, что преимущества, приносимые тред-юнионами, пожинаются исключительно администрацией. На долю рядовых членов достаются лишь крохи, падающие с обильного юнионного стола. Положение юнионных главарей — больших и малых Джон Луисов — мало чем отличается от положения государственных чиновников. Колоссальные оклады, постоянная должность, почти ничем не ограниченная деятельность. Настоящие царьки в своем отечестве. Само собой понятно, что все руководители юнионов заинтересованы главным образом в своем личном благополучии, а не рядовых членов. Отсюда — консерватизм, тяга к стабильности и содружеству с хозяевами.

Централизация в американских юнионах доведена до максимума. Все приказы и распоряжения идут *сверху вниз*. Вакантные должности занимаются по воле лиц, стоящих выше. Мнение рядовых членов фактически равняется нулю. Во многих случаях рабочий знает о своей принадлежности к юниону лишь постольку, поскольку из его заработной платы регулярно отчисляются членские взносы. Даже нет надобности в посещении конторы юниона для уплаты членских взносов: хозяин сам все это делает, тот самый хозяин, который 70 лет назад не желал и слушать об юнионах. (Как же тут юнионным главарям не пожать ручку хозяину?) Нет надобности и в посещении деловых собраний. Если иногда и созываются массовые митинги, то лишь для того, чтобы поднятием руки подтвердить то, что было решено администрацией, — как в Кремле во время сессий Верховного Совета! В общем административный юнионный аппарат — государство в миниатюре. Последнее ведь тоже возникло, окрепло и усилилось под предлогом защиты населения.

Возможно, что в период зарождения тред-юнионизма функции административного аппарата и носили конструктивный, положительный, и целесообразный характер, но с течением времени все это вылилось в командование и приказывание. Благодаря централизации, власть административного аппарата высоко вознеслась над общим уровнем членского состава. Не только злоупотребления, но и узурпация стали обычным явлением. Поэтому нет ничего удивительного, что некоторые главари юнионов обзаводятся личными телохранителями, связанными с уголовщиной.

Положение неизбежно накладывает отпечаток на психику человека, накладывает оно и на юнионных лидеров, даже на тех, которие вышли из среды рабочих с большим запасом радикальных идей: постепенно они отходят от радикализма и становятся на путь консерватизма. Наглядным примером в этом отношении может быть глава юниона автомобильных рабочих—В. Рютер, примыкавший когда-то к левым кругам, а ныне ставший глашатаем классового содружества. По мнению Рютера, предприниматели при обсуждении тех или иных проблем всегда должны пользоваться советами юниона, т. е. все совещения должны происходить при его,

Рютера, участии. Повидимому, недалеко то время, когда не только совещания, но и руководство предприятиями будет входить в функции главарей юниона. Последнее вполне возможно, принимая во внимание баснословные оклады руководителей профсоюзов. Что, например, мешает, хотя бы тому же Рютеру, купить пакет фордовских акций и стать совладельцем предприятия?

Одурманивающий воздух капитализма оказался сильнее того, о чем писал Карл Маркс и другие толкователи классовой борьбы. Вместо антагонизма и противоречий — следование за капиталистами и подражание им во всех их действиях наблюдается среди рабочих. Праздная, роскошная, разгульная и, конечно, паразитическая жизнь богатых вызывает у рабочих не осуждение или порицание, а, наоборот, стремление к такой же жизни. Легенда о том, что каждый может стать президентом, если не страны, то крупного предприятия, широко распространена во всех слоях американского общества. Но если кто и не метит в Крезы и не очарован существующими порядками, то такой человек тоже не представляет никакой опасности для буржуазии, независимо от того, принадлежит ли он к юниону или нет.

Буржуазия, столь ожесточенно боровшаяся 70 лет назад против юнионов, сумела "приручить" их и поставить себе на службу. Теперь никто так рьяно не защищает существующий порядок, как главари юнионов. Это можно судить по тем бесчисленным резолюциям, которые выносятся ими против большевиков. Что большевистская опасность в Америке — мнимая опасность, это очевидно для всякого трезво рассуждающего человека. Однако главари юнионов значительную часть своей деятельности посвящают этой мнимой опасности. Настоящие стражи капитализма!

Так как эта чисто политическая борьба (главари юнионов часто подчеркивают, что они и юнионы — аполитичны) ведется не только от имени главарей, но и от имени юнионов, то получается, что юнионы фактически защищают буржуазный строй. Так, по иронии судьбы, тред-юнионы, долженствующие быть *антикапиталистическими,* стали *прокапиталистическими.* И герои или жертвы Чикагской Драмы, если бы дожили до наших дней, несомненно, были бы в недоумении. Избежат ли этой участи большевики?

Главарям тред-юнионов нужны частные предприниматели и крупные частновладельщецкие предприятия, ибо без них не мыслимы тред-юнионы, а без последних—хорошие должности. Большевики не нуждаются в этом своеобразном дуализме, но им нужны спецы, инструктора, советники, но не участники-дельцы. Однако, не нуждаясь в капиталистах, большевики очень остро нуждаются в том, что фактически порождает капитализм.

Захват власти большевиками теоретически допустим в любой стране, даже самой отсталой и маленькой. Но удержаться долго у власти в такой стране они не могут (пример тому Гватемала) ибо большевики держатся у власти исключительно штыками, а штыки (военная мощь) возможны лишь при наличии индустриализации. Поэтому мы и видим, что в каждой стране, как только большевики захватят власть, они в первую очередь принимаются за индустриализацию. Но последняя не возможна без огромных кадров рабочих, без технических усовершенствований, без ухищрений в смысле понижения стоимости производства, т. е. всего того, из чего и слагается капитализм. Поэтому и получается парадокс: выступая против капитализма, большевики в сущности осуществляют тот же капитализм, но только под иной вывеской.

Конечно, между государственным и частным капитализмом разница вполне возможна, но для тех, которые вынуждены продавать свой труд, совершенно безразлично, кто их эксплуатирует — государство или частный предприниматель. Нужно заметить, что сов. правительство принципиально не выступает не только против капитализма, но и против капиталистов. Любой предприниматель, прибегающий даже к самым жестоким формам эксплуатации на своих фабриках и заводах, как только заключит сделку с сов. правительством, считается желанным гостем в Москве. Если у большевиков и была когда-нибудь какая-либо принципиальность, то она давным-давно испарилась. Теперь они — "биснессмены," не брезгающие дружбой и деляческими сделками с капиталистами, соглашающимися мирно жить с ними и вместе пьянствовать. Не только обыкновенные предприниматели, но и представители феодального строя с Ближнего Востока находят теплый прием в Кремле. Там уже побывал иранский шах с шахиней. Вероятно скоро москвичи увидят на улицах столицы повелителей Египта, Сирии и, возможно, Сауди-Аравии, где и поныне широко практикуются

все приемы средневекового рабства. Красный империализм ничем, конечно, не отличается от любого империализма. Экспансия и захваты — основа всякого империализма.

Теперь большевики уже не те, какими они были раньше. Воинственность постепенно сменяется неподвижностью. Как лидеры тред-юнионов в силу своего привилегированного положения стали консерваторами, так и кремлевские главари в силу еще более привилегированного положения обрастают плесенью застоя установившейся стабильности. Их нынешняя мечта — сохранить достигнутое равновесие. Представить себе Хрущева во главе марширующих легионеров так же невозможно, как невозможно представить Христа во главе кабатчиков. "Стихия" Хрущева — выращивание кукурузы и свиней в перемежку с частыми пирушками. Успешное производство и кутежи — вот чем теперь наполнена атмосфера Кремля. Иными словами — главари большевизма обуржуазились.

Да и нынешний капитализм тоже не тот, каким он был во время Маркса. Прежнего безотчетного хозяйничания на фабриках и заводах уже нет. Предприниматель должен давать кое-какой отчет — уплата налогов. В производство вмешивается государство. Правда, вмешательство это в большинстве случаев делается для блага самих же предпринимателей, но все это, как правильно твердят из архибуржуазного лагеря, уже "социализм," т. е. шаг к большевизму. Уже есть армия чиновников, занимающихся сбором налога, вероятно, скоро появится армия планировщиков, а затем и контролеров. (В сельском хозяйстве начало этому уже положено.) Мост между большевизмом и капитализмом давно перекинут, но на это почему-то не обращают внимания. Мост этот — Тито, диктатор Югославии; он такой же большевик, как и Хрущев или Ленин, но тем не менее он находится не только в союзе, но и в дружбе со многими руководителями буржуазных стран.

По словам лиц, недавно прибывших из СССР, инициатором нового курса Москвы является не кто иной, как Тито. Это он убедил Хрущева, что его (Тито) политика более реалистична, практична и выгодна, чем та, которую вел Сталин. И Хрущев будто бы этому поверил. Скоро, повидимому, мы узнаем, кто является подлинным инициатором смерти Сталина. Судя по тому, что творится вокруг имени Сталина, диктатор умер не естественной смертью. Повидимому, он был отправлен на тот свет. Но с уходом Сталина осталось его наследие — недоверие к большевикам. Хрущев принимает все меры для устранения этого препятствия, но пока что заметных успехов не достиг.

Для восстановления доверия, подорванного корейской авантюрой, потребуется много времени. Если стоять на точке зрения всевозможных Чан Кай-Шеков (каждая страна, подпавшая под власть большевиков, породила своих Чан Кай-Шеков, но без Формозы), то сближение большевиков с буржуазией — смерти подобно. Но если стоять на точке зрения всеобщей справедливости, то в этом сближении никакой опасности нет. Наоборот, тут можно найти некоторые положительные черты, ибо вследствие этого значительно упрощаются многие спорные социальные вопросы: все противники подлинной свободы и справедливости оказываются в одном лагере. *ЮК.*

Вести из СССР

Пишут из *Белоруссии:* во время войны сожгли все жилые дома, дабы врагу ничего не досталось. Это был лозунг "сожженной земли." Остались не сожженными лишь некоторые амбары да хлевы, в которых люди живут и до сих пор. Голодом уже не страдают, но нет одежды и обуви, нет и многих других вещей.

Из *Сибири* пишут, что "жизнь с каждым днем улучшается, но у колхозников отняли все огороды, потому что они тратили много времени на эти огороды. Работают по 8 часов в будни, а по воскресеньям — 6 часов. Юноши, не достигшие 18-летнего возраста, работают по 7 часов в день."

ПЕРЕДОВАЯ "ДТП" ПО-АНГЛИЙСКИ

Еженедельная анархическая газета "ФРИДОМ," издающаяся в Лондоне, перепечатала из № 50 **"Дела Труда-Пробуждения"** передовую статью **"Две задачи—одно решение."** Перевод — очень хороший — сделан Иваном Поповичем и напечатан в двух выпусках (№ 29 и 30 от 21 и 28 июля 1956 г.).

Остается только одно: поставить потребности людей выше их дел, и признать сначала право на жизнь, а затем и право на участие в производстве.

П. КРОПОТКИН.

СОВЕТСКИЙ "СОЦИАЛИЗМ-КОММУНИЗМ"

На одном из заседаний Верховного Совета в Москве Вячеслав Молотов, старый большевик, тогда еще министр индел, которого недавно сместили и заменили Димитрием Шепиловым, выступая с речью, заявил, что "в советской России до сих пор построен только фундамент социализма, но само социалистическое общество еще не построено." Такой ереси не могли допустить сталинские наследники. И Молотов пошел вспопятную: в "Коммунисте" он выступил с опровержением самого себя:

> "Политическая ошибка, допущенная мною в речи перед Верховным Советом, состоит в том, что она вводит в идеологическое заблуждение многих коммунистов и находится в противоречии с постановлениями нашей партии по вопросу о построении социалистического общества. Я признаю свою ошибку и утверждаю, что социалистическое общество фактически уже построено в нашей стране."

Действительно ли построено социалистическое общество в России и страна находится в переходном периоде к коммунизму? Что говорят подлинные факты?

Захватив власть в ноябре 1917 года, большевики создали в России тоталитарное государство, основанное на социальном неравенстве новых сословий, классов и категорий людей, пользующихся не одинаковыми правами и привилегиями. Рабочие, занятые в промышленности, лишены естественного права забастовки, считающейся преступлением перед суровыми законами "пролетарской" власти. На заводах и фабриках, в мастерских и шахтах введена поштучная и ночная работа, подрывающая силы и здоровье рабочих. Несмотря на официально провозглашенный 8-часовой рабочий день, многие рабочие, особенно занятые в военной индустрии, вынуждены работать по 10 часов в день. Рабочие прикреплены к своим предприятиям и лишены права самовольно оставлять место работы. За свой тяжелый труд рабочие вознаграждаются не равномерно: одни из них получают большую зарплату, а другие меньшую, в зависимости от количества и ценности изготовляемых предметов.

Трудовые слои крестьянства лишены собственного клочка земли. Отобрав землю у крестьян в государственную пользу, советская власть принудительно загнала их в колхозы и совхозы, загубив жизнь миллионов крестьян, не подчинившихся их жестоким декретам. За недостаточное выполнение обязательных поставок государству колхозники караются ссылкой в концлагери на 20-25 лет. Трудовая дисциплина в колхозах и совхозах самая суровая. Жилищные условия рабочих и крестьян очень плохие: они живут в старых, убогих домах и постройках, лишенных элементарных удобств. Построенные новые дома заняты более привилегированными слоями: правительственными чиновниками, инежнерами, техниками, агрономами и другими "спецами." К ним надо причислить также и писателей, журналистов, художников, юристов, профессоров и учителей, служащих "верой и правдой" диктатуре компартии. Они получают большие оклады, занимают хорошие квартиры с удобствами и прислугой, имеют собственные автомобили, управляемые наемными шоферами, хорошо одеваются и обильно питаются; словом, живут припеваючи.

В стране нет никаких демократических или гражданских свобод, — мысли, слова, печати, организации, труда и т. д. Эти "буржуазные предрассудки" уничтожены советской властью. Вместо свобод установлены цензура, сыск и шпионаж. Все литературные анархические издания строго запрещены и совершенно изъяты из библиотек. Все газеты, журналы, книги и вообще образование, наука, литература и искусство находятся в руках государства. Высшее образование доступно не столько трудящимся, сколько привилегированным группам и членам компартии. Наука сделалась монополией правящих и всякий, исповедующий "гениальные" идеи марксизма-ленинизма и слепо выполняющий директивы и декреты комвласти, считается заслуженным ученым, историком, философом.

Литература находится в рабской зависимости от государства — этого универсального хозяина, зорко следящего за проведением установленной в стране "генеральной линии" диктатуры. Мораль большевиков — "цель оправдывает средства," поэтому она защищает и оправдывает ложь, обман и провокацию, если только эти "благородные средства" укрепляют их власть. За время своего почти 40-летнего господства большевики морально так свыклись с насилием, произволом и террором, что они считают

диктатуру компартии вполне нормальной и разумной системой управления.

Общее положение официально именуемого "Союза Советских Социалистических Республик" таково, что оно не может отождествляться ни с социалистической, ни с коммунистической системой. Социализм предполагает социализацию всех средств и орудий производства в руках общества, установление политических свобод и равенство всех членов общества, а коммунизм означает равенство и самоуправление трудовых коммун и союзов, производство и потребление которых осуществляется, согласно принципу: "от каждого по способностям, каждому по потребностям."

Всего этого нет в СССР. На деле, по существу, там установлена, под ложной маской "рабоче-кретьянской" власти, система централизованного государственного капитализма, основными чертами которого являются: чрезмерная эксплоатация пролетариата и крестьянства, чудовищный карательный аппарат, тюрьмы и концлагери, бюрократические группы откормленных охранников и сильный милитаризм, угрожающий миру и свободе всего мира. И не трудно заключить, что в СССР не будет ни социализма, ни коммунизма до тех пор, пока там господствуют изменники этих идеалов.

Л. Липоткин

МИНУВШЕЕ

Говорят, что было лето
И цветы цвели.
Мы же, друг, с тобою где-то...
Где-то мы плыли.
Нас манило сине море
Резвым бегом волн,
Нам хотелось на просторе
Испытать свой челн.
Мотыльками мы носились...
Гладь—как бирюза!
И внезапно очутились,
Где взвилась гроза.
Гневно буря бушевала,
Пеня зыбь до дна,
И челнок наш заливала
Грозная волна.
Мы робели и взывали,
И гребли, гребли...
И цветов мы не видали,
Что летом цвели.

А. Белкин

НАШИ ЗАДАЧИ

Это не утопия и не полет мысли в мир фантазии: в настоящее время мир стоит на пороге к безвластному (анархическому) обществу. Государственный строй, с различными системами, обанкротился. Идет к своему экономическому упадку Англия, лишаясь основы своего могущества — колоний; дряхлеет Франция, не выходя из перманентных правительственных кризисов; запуталась в дипломатической игре Америка, над которой висит уже угроза депресии; Россия, практикуя государственный капитализм, довела государственную власть до абсурда; страны Южной Америки находятся в стадии диктаторских переворотов... Все эти факты говорят лишь об одном — мир требует коренного переустройства. Признаков к тому, чтобы человечество возвращалось к системе феодализма и крепостничества, нигде не видно. Мир — динамика и жизнь мира движется только вперед.

Что видно впереди? Какие формы вырисовываются для будущего людского общежития? Трудно оконкретизировать на это ответ, но, что в жизни уже начинают появляться анархические тезисы, констатировать можно. Например, в Японии, анархизм идет через кооперацию. На сегодня там уже имеется 37,000 кооперативных точек. Ширится кооперативное движение и в Индии. Не затихает анархическое движение и в Болгарии, Испании... В Америке, если не наблюдается прямого анархического движения, то очень показательно кооперативное движение. А кооперация — первая ступень к анархизму.

Но самые интересные данные имеются о России (СССР), откуда идет мировая реакция и государственная деспотия. Начиная с 1953 года со слов послевоенных перебежчиков, из информаций и книг освобожденных из концлагерей иностранных узников, видно, что страна находится в постоянных забастовках и восстаниях. Так, например, летом 1953 года в концлагерях Воркуты, Норильска и Караганды произошли забастовки. К бастовавшим была применена вооруженная сила. В июле 1954 г. в Караганде вспыхнули снова волнения. Были стянуты войска МГБ. Было много убитых. В июле 1954 г. началось восстание на медно-плавильном комбинате в г. Балгаш. Были построены баррикады. Войска МГБ открыли огонь. В июле 1954 г. забастовали 6000 заключенных в лагерях Шерубай-Кура. Забастовка длилась неделю.

В конце июля 1954 г. на Воркуте снова вспыхнула забастовка. Власть пошла на уступки. Весной 1954 г. вспыхнуло восстание в лагерях Ревды, близ Свердловска. Летом 1954 г. вспыхнули волнения в лагерях Кинтира (Казахская ССР). Было применено оружие, но волнения продолжались, пока власть не пошла на уступки... Через кровь человек заявляет свои права на жизнь.

Встает вопрос: кто же является зачинщиком, кто руководит стачками? О солидаристах, власовцах, социалистах и эсэрах ни в печати, ни в информациях послевоенных перебежчиков не упоминается. Но упоминается об анархистах, о махновцах. Об этих группировках в концлагерях упоминала Герланд, доктор Штолман. Юноша Лысиков рассказывал об анархических ячейках в школах. Послевоенный перебежчик Белов рассказывал об анархических группировках в армии и о том, что настроение в массе такое, что надо *продолжать Октябрьскую революцию.* Украинский перебежчик, бывший участник УПА — Барчик, информировал, что в УПА и среди населения Западной Украины есть много махновцев. О махновцах, находящихся в концлагерях, рассказывали и б. политзаключенные. Из последних источников, со слов послевоенных перебежчиков, известно, что в Московском Университете и в Харьковском Технологическом Институте неодкнократно расклеивались на стенах анархические листовки — "Продолжать дело Кронштадта." Об анархическом движении в СССР сигнализирует и тревога, которую бьет "Украинский Прометей," говоря о "засорении украинских рядов махновцами," и черносотенный журнал "Знамя России," в котором также упоминается, что среди студенчества СССР растет идея анархизма.

Учитывая общее международное положение и в СССР, нам и надо, в своих задачах, исходить из этого положения.

Первое, что необходимо, — это международный анархический съезд для выработки единой тактики и консолидации действий.

2. Необходима постоянная связь с Россией, через австрийских и германских товарищей, для переброски туда актуальной анархической литературы, отвечающей потребностям сегодняшнего дня.

3. Перейти с толстых, больших книг на издание памфлетно-брошюрной литературы, доступной каждому читателю — по карману и по времени.

4. Американским русским анархистам надо выйти на широкую дорогу общественности, участвуя в прессе, в свободных трибунах и откликаясь под анархическим аспектом на все события.

5. Главный упор всех анархистов должен быть на Россию, поскольку из России придет третья мировая революция, на этот раз, действительно, социальная. Только поэтому буржуазные страны методом "сосуществования" поддерживают государственный капитализм в СССР и мирятся с рабством в нем. Они боятся, что революция распространится по всему миру и сметет капитализм.

А. Вольный

Но за последнее столетие настроение умов сильно изменилось. Все чаще и чаще встречаются люди, которые отказываются подчиняться закону, если им не выяснят, каково его происхождение, есть ли в нем необходимость, откуда взялось обязательство признавать его и подчиняться ему. Надвигающаяся революция — "революция," а не простое восстание, уже потому что в наши дни восставшие подвергают своей критике все основы современного общества и прежде всего тот фетиш, которому оно поклоняется, — закон.

Они анализируют происхождение закона и убеждаются, что в его основе лежит или бог — это создание стихийного страха дикарей, — или кровавая победа, достигнутая огнем и мечем. Они изучают характер закона и убеждаются, что отличительная черта его — неподвижность, косность, а не эволюция, между тем как человечество развивается непрерывно. Они пытаются узнать чем поддерживается закон, и перед ними предстают ужасы византизма, жестокости инквизиции, пытки средних веков, цепи, палица ,топор палача, темные подземелья тюрем, страдания, стоны, плач и проклятия. В наши дни — все то же: топор, ружье, веревка и тюрьма. С одной стороны, заключенный, посаженный подобно дикому зверю в железную клетку, доведенный до полного упадка умственных и нравственных сил, с другой — судья, лишенный всякого человеческого чувства, живущий в мире юридических фикций, посылающий людей на гильотину с сладострастием и холодным спокойствием сумасшедшего, не сознающий даже, до какого падения он дошел.

П. Кропоткин

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ *(К 75-летию его смерти)*

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья о Достоевском была написана проф. П. А. Сорокиным для радио-передачи со станции "Голос Америки." Несмотря на то, что в статье не все свободно от сомнений, мы охотно отводим ей место на страницах "ДТП" и вместе с тем благодарим проф. Сорокина за любезное предоставление статьи для напечатания.

Считаем нужным сказать, хоть несколько слов, об авторе статьи и о той работе, которую он ведет здесь, в США. Как среди сыпучих песков раскаленной пустыни встречаются иногда маленькие зеленые оазисы, так и среди безбрежного моря людских пороков и беспросветности встречаются иногда светлые точки. Одной из таких "точек," несомненно, следует считать **"Центр по исследованию творческого альтруизма,"** созданный при Харвардском университете по инициативе проф. Сорокина. Уже одно название свидетельствует, что Центр "не от мира сего." И, действительно, в задачи Центра входит исследование не того, что увеличиваст барыши отдельных личностей, и не того, что ведет к созданию более разрушительной бомбы, а того, что делает людей добрыми и порядочными.

П. А. Сорокин прекрасно сознает, что на такую работу в наше время смотрят, как на "чудачество," но он полагает, что если исследование всевозможных преступлений (криминология) приняло столь широкие размеры и беспорно считается научным, то кто-то должен посвятить свое время и исследованию добрых дел человека, и исследование это тоже должно считаться научным. В самом деле: чем **отрицательные** социальные явления лучше **положительных?** Почему же исследование первых — наука, а исследование вторых—"чудачество"?

Мы надеемся, что проф. Сорокин не откажется рассказать на страницах "ДТП"—хотя бы в общих чертах, — что такое творческий альтруизм и какую роль он играет, как в жизни отдельного человека, так и общества.

Следует добавить, что проф. Сорокин работает в настоящее время над созданием Международной Ассоциации Альтруистов. Если эта работа увенчается успехом, то в ближайшем будущем состоится съезд, в котором примут участие единомышленники Сорокина, живущие в разных странах.

Если бы Достоевский написал только *Легенду о Великом Инквизиторе,* одно создание этой *Легенды,* вместе с главой о бунте Ивана Карамазова, обеспечило бы бессмертие Достоевского, во-первых, как автора величайшей трагедии, во-вторых, как гениального религиозно-философского и морального мыслителя.

Как литературный шедевр *Легенда* является достойным соратником великих трагедий Эсхила, Софокла или Шекспира. По величию ее темы она даже превосходит их, потому что трагедия *Легенды* более космическая, всевременная и всечеловеческая, чем трагедия Эдипа или Антигоны, Гамлета или короля Лира. По сравнению с богочеловеческой драмой *Легенды* драмы Эдипа или Макбета выглядят провинциальными, временными, касающимися только небольшой части человечества.

Легенда с поразительной силой развертывает перед нами вечную трагедию фальсификации и искажения величайших ценностей в повседневной исторической жизни человечества; подмен Христа палачем-инквизитором; великих творцов их бюрократическими наместниками; трагедию вырождения любви в ненависть, творческой свободы в духовное рабство и организованное насилие, массовое предпочтение "хлеба земного," "чуда," "тайны авторитета" подлинной свободе, истине и "хлебу небесному."

В ее полном развитии эта трагедия вырастает в бого-человеческую трагедию убийства "сына Божия"... "нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес... воплотившегося... распятого же за ны... страдавшего и погребенного," в вечную трагедию закалаемого "Агнца Божия, вземлющего на себя грехи мира." Бездонная глубина этой космической драмы углубляется добавочной иронией истории — Сын Божий убивается во имя Сына Божия его представителями и наместниками. Великий Инквизитор *Легенды,* как наместник Христа, не только искажает слово и дело Сына Божия, но во имя Христа посылает его на костер, как "злейшего из еретиков."

И в большом, и малом масштабе трагедия фальсификации великих ценностей, распятия великих творцов их бездарными заместителями, предпочтение "хлеба," магических чудес и духовного рабства ценностям истины, творческой свободы и добра повторяется ежедневно в человеческой жизни. Она повторяется также и в явлениях революций. Как правило, великие революции планируются и начинаются идеалистами, их идеалы в искаженном виде осуществляются "держимордами" и палачами; и плоды кровавых и изуродованных революций пожинаются прохвостами и циничными дельцами.

Такова основная тема космической трагедии *Легенды.* Эта тема развернута Достоевским с ослепительной яркостью гениального художника и с неотразимой логикой великого мыслителя. Картина потухающих костров инквизиции, в которых во имя Христа и по приказу инквизитора только что

погибло множество "еретиков"; образы сурового инквизитора и Христа в форме осужденного еретика, молчаливо, с нежной улыбкой и бесконечным состраданием идущего среди народа, — все эти образы и сцены с незабываемой силой врезываются и остаются в сознании читателя на всю жизнь.

В итоге, и по теме и по ее художественному выполнению, *Легенда* является великой трагедией, не уступающей никакой другой трагедии в литературе всех веков и народов.

Легенда и "Бунт" Карамазова представляют не только литературный шедевр, но также один из глубочайших трактатов религиозно-философской и этической мысли человечества. Центральная тема этого трактата состоит в роковом вопросе: как и почему возможно существование в мире Бога бесконечной любви и абсолютной справедливости рядом с космическим злом и мировой несправедливостью? Как объяснить и оправдать слезы, страдания и убийство невинного ребенка, растерзанного собаками помещика или избитого до смерти звериными родителями? Почему "добрый Боженька," защиты которого эти дети молили, не спас их от мучений, слез и смерти? Как объяснить и оправдать неисчислимое множество невинных жертв, "слезами и кровью которых пропитана вся земля?" "Для чего эта ахинея нужна и создана?" — спрашивает бунтующий Иван Карамазов. "Без нее, говорят, человек... не познал бы добра и зла... Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь и весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к Боженьке."

Равным образом Иван Карамазов (Достоевский) решительно отвергает все другие "оправдания" невинных жертв человеческой истории. Ни соображения будущей вечной гармонии в царстве божием, ни вера в будущее потустороннее наказание мучителей в аду и награду невинных жертв в раю, ни будущий идеальный социалистический, коммунистический, демократический и всякий другой рай на земле не объясняют и не оправдывают слез, страданий и смерти измученных детей. Никакие хитроумные теории и философии не в состоянии оправдать это космическое зло. Если страдания и слезы невинных детей необходимы, как удобрение, для торжества вечной гармонии грядущего Царства Божия или идеального общества на земле, — такая вечная гармония становится несправедливой дисгармонией. Поэтому, говорит Карамазов (Достоевский) от "такой высшей гармонии я совершенно отказываюсь... Не стоит она слезинки хотя бы одного только замученного ребенка. Не стоит, потому что слезки его остались неискупленными... Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии... Да и слишком дорого оценили гармонию. А потому свой билет на вход (в царство земной или небесной гармонии) спешу возвратить обратно... не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю," — заключает Достоевский-Карамазов.

Такова суть отрицательного ответа Достоевского на этот великий вопрос. По смелости, остроте и глубине анализа эти страницы *"Братьев Карамазовых"* являются единственными во всей религиозно-моральной литературе человечества. Этот "Бунт" Ивана Карамазова безгранично глубже, смелее и радикальнее, чем все "бунты" всех социальных и политических революций. Он заключает в себе смелость Прометеевского протеста против несправедливых законов природы и необъяснимой несправедливости самого Бога. Он отвергает все теории (богословские, философские и научные), которые пытаются оправдать все прошлые и настоящие слезы невинных жертв будущим гармоническим царствам — божеским или человеческим. Он пропитан бесконечной любовью и состраданием ко всем невинным жертвам и даже к их мучителям. Он дает также указание пути преодоления космического зла в человеческом мире. Этот путь состоит в завете беспредельной творческой и жертвенной любви ко всем людям, ко всему живущему и целому миру.

> "Братия, любите человека и во грехе его. Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий... Любите животных, любите растения, любите весь мир... Смиренною любовью весь мир покорить возможешь... Смирение любовное — страшная сила, изо всех сил сильнейшая, подобной которой и нет ничего."

Только такая смиренная любовь способна преодолеть космическое зло. Все остальные пути — особенно пути насилия, принуждения и злобы — сомнительны и гибельны.

В наше трагическое время завет Достоевского заслуживает особенного внимания, потому что путь смиренной любви действительно является единственным путем, способным спасти человечество от всеобщего братоубийства и самоубийства.

Питирим А. Сорокин

ПОЛВЕКА НА ОБЩЕСТВЕННОМ ПОСТУ*

На служение анархизму Эмма Гольдман посвятила свыше 50 лет, из которых около 30 протекло в Соед. Штатах, а остальные 20 — в разных странах Европы и в Канаде. Годы, проведенные в Соед. Штатах — самый активный период в жизни Гольдман. Мало кто мог так интенсивно работать. Чтобы иметь хоть некоторое представление о кипучей деятельности Гольдман, достаточно вспомнить, что во время одной из своих лекционных поездок — это было в 1909 году — Гольдман посетила 25 штатов, выступала в 37 городах, но так как в некоторых городах пришлось выступать по несколько раз, то общее количество выступлений дошло до 140. Лекционные поездки она совершала чуть ли не каждый год, за исключением, конечно, годов, проведенных в заключении. Нет ни одного крупного промышленного центра, где бы Гольдман не читала лекций. Случалось ей бывать в медвежьих уголках. Однажды ее пригласили в такое место (в шт. Аркансо), куда можно было добраться лишь на фермерской повозке. И там Гольдман — на фермерском дворе — прочитала съехавшимся фермерам пять лекций. Другой раз она читала лекции в такой глуши, где не было не то что лекционного зала, но никаких строений. (Дело происходило на лесозаготовительных работах.) Читала она лекции на каменоломнях в Вермонте, в шахтах в Пеннсильвании, среди необозримых виноградников в Калифорнии, в рыбачьих поселках в Массачузетс, и, конечно, в самых благоустроенных залах в больших городах Америки. Словом, шумные города и тихие захолустья — все служило широким полем деятельности. Как девиз, как жизненный лозунг для Гольдман больше всего подходят слова Некрасова: "Где тяжко дышется, где горе слышится — будь первым там." Гольдман всегда первой откликалась на людское горе. Самым хлестким бичем, гулявшим на спинах рабочих в конце прошлого и в начале текущего столетия, несомненно, следует считать безработицу. Никакого пособия, никаких государственных мероприятий против безработицы тогда не было. Все зависело от произвола работодателей. Рабочим более-менее свободно дышалось лишь летом, когда вследствие полевых работ и др. сезонных мероприятий безработица до некоторой степени рассасывалась. Но как только наступала зима, — вселялось и горе в дома рабочих. Сейчас, вероятно, мало кто вспоминает о захвате церквей безработными, а между тем в начале нынешнего столетия это был самый злободневный вопрос. Кто-то (не Гольдман, хотя ей и приписывали) подал безработным мысль, что церкви — удобное место для ночлега: тепло, просторно и даже уютно. Немедленно же длинные вереницы неимеющих где голову преклонить потянулись к церковным оградам. Шли не только одиночки, которых легко было зачислить в категорию босяков, — шли и семейные с детьми. Несмотря на то, что у входа в храм обычно красуется надпись: "Приидите ко Мне все труждающиеся," но этих труждающихся встречали у церковных дверей полицейскими палками и струями холодной воды. Разыгрывались страшные драмы. Были случаи въезда полицейских на лошадях в церковь для того, чтобы выгнать оттуда спрятавшихся людей. Были, конечно, аресты и избиения.

Другое весьма ощутительное социальное зло того времени заключалось в полной неорганизованности рабочих. В юнионы входили лишь избранные — высококвалифицированные рабочие, считавшиеся чем-то вроде рабочей аристократии. Широкие слои рабочих пребывали в полной неорганизованности, ничем незащищенные от произвола хозяев. Вот на этих двух поприщах—требовании помощи безработным и требовании улучшения положения рабочих — и протекала главным образом деятельность Гольдман. Не было ни одной забастовки, в которой бы Гольдман так или иначе не принимала участия. (Особенно широкую деятельность она проявляла там, где бастующие подвергались репрессиям.) Ни одна демонстрация безработных, ни один протест против ареста невинных людей не происходили без участия Гольдман.

Лекционные поездки, конечно, поглощали значительную часть времени, однако, несмотря на это, Гольдман сумела создать большое печатное дело: выходил ежемесячный журнал "Мать-Земля" и издавалась анархическая литература на английском

* Статья эта была написана для № 49 "ДТП" по случаю исполнившегося в 1955 г. пятнадцатилетия со дня смерти Эммы Гольдман, но по техническим причинам не могла войти ни в № 49, ни № 50-й.

Редакция

языке. Одно время было налажено нечто вроде настоящего Печатного Дома: все здание на Пятом авеню и 119 улице в Нью Иорке было отведено под нужды издательства и издателей, т. е. было занято конторными и жилыми комнатами.

Не все анархисты и не всегда согласятся с методами работы Гольдман, но никто не может отказать ей в исключительном трудолюбии и трудоспособности. В особенности нельзя отказать в этом если принять во внимание, что Гольдман не принадлежала к числу тех людей, детство и юность которых проходят на школьной скамье. Гольдман, вследствие несостоятельности родителей, не могла долго учиться. Очень рано — в 14 лет — она вынуждена была поступить на фабрику работать. Все то, чего Гольдман достигла, — достигла путем самообразования. Об этом — об "университетах" Гольдман — следовало бы написать отдельную статью, ибо это — наглядный пример, чего человек при желании и при наличии дарованый может достигнуть. По всей вероятности мало кто знает, что Гольдман по профессии — сестра милосердия. (Она больше известна как швея, как работница портняжной индустрии.) Эта профессия давала ей возможность много читать, а кто читает, тот неизбежно чего-то достигнет. Не без юмора Гольдман рассказывает о том, как она, отправляясь работать ночью (Гольдман ночную смену предпочитала дневной), тащила с собой кипу книг и свой неразлучный... кофейник. Черное крепкое кофе (все, знавшие Гольдман, были в восхищении от вкусного кофе, которое Гольдман всегда готовила сама) отгоняло сон, а ночная тишина и спокойствие (больной спал) способствовали поглощению одной книги за другой.

Несмотря на то, что Гольдман никогда не принимала участия в террористических актах, и несмотря на то, что она этих актов не оправдывала (хотя и не осуждала, ибо считала их результатом царящей несправедливости), но власти всегда старались приписать ей все то, что носило следы покушения (аттентетизма). Стоило где-либо взорваться бомбе, стоило где-нибудь раздаться револьверному выстрелу или удару кинжалом — имя Гольдман неизменно связывалось с "делом." Особенно много внимания было уделено Гольдман в связи с убийством МакКинли. Газеты определенно заявляли, что действительный виновник убийства — Гольдман, а Чолгош лишь орудие в ее руках. Жизнь Гольдман висела на волоске. Спасло ее главным образом следующее: 1) арест Гольдман произошел в том городе, где городская администрация состояла из демократов, смотревших на МакКинли не только как на президента, но и как на республиканца, и 2) категорический отказ Чолгоша лжесвидетельствовать против Гольдман. Стоило Чолгошу сказать одно слово (ложное, конечно), — Гольдман немедленно была бы предана суду и, конечно, была бы признана виновной, как это не раз случалось с анархистами (Чикагская Драма, дело Муни-Биллинга, дело Сакко-Ванцетти и др.). Но Чолгош, несмотря на то, что его побоями принуждали говорить против Гольдман, оказался стойким человеком; никого он не впутал в свое дело. Уже когда его посадили на электрической стул, к нему подошел духовник и елейным голосом начал: "Сын мой, зачем ты прикрываешь нехорошую женщину? Она тебя оклеветала. Она говорит, что ты не хотел работать; жил на ее и ее товарищей деньги." На это Чолгош еле слышно ответил: "Пусть что хочет говорит обо мне Гольдман, но она не причастна к выстрелу." В момент рокового выстрела (в Боффало) Гольдман находилась в Ст. Луисе. Все газеты пестрели заголовками: "Полиция ищет опасную женщину — анархистку Эмму Гольдман." Узнав, что некоторые чикагские анархисты арестованы, Гольдман решила ехать в Чикаго. Напрасно сейнтлуиские друзья отговаривали ее от этого: Гольдман уехала в Чикаго... Конечно, вскоре же она была арестована, подвергнута пыткам, но все же не выдана властям гор. Боффало, очень добивавшимся этого. И не выдана главным образом потому, что Чикаго управлялось демократами ,бывшими плохого мнения о республиканцах. Пущенная клевета против Гольдман, однако, не осталась без последствий: *все* ее родственники, друзья и знакомые были взяты на "черную доску." Кто из них имел работу — потерял ее, кто имел торговое дело — подвергся бойкоту. Даже дети — племянники Гольдман — попали в козлы отпущения: "Твоя тетка — ужасная женщина," — говорили детям в школе. По выходе из тюрьмы Гольдман долгое время не могла найти квартиры (в Нью Иорке). Если кто из знакомых соглашался ее приютить, владелец дома грозил выбросить на улицу и Гольдман, и того, кто ее приютит. Неоднократно Гольдман приходилось коротать ночь в трамвае (тогда это была конка), совершая поездку от Саут Фер-

ри до реки Харлем и обратно. Даже немного позже, когда о драме в Боффало стали забывать и когда Гольдман под именем "мисс Смит" уже работала сестрой милосердия, ее неоднократно пытались заверить (большой частью пациенты), что Эмма Гольдман очень опасная женщина. Одна пациентка, богобоязная старушка, еврейка по происхождению, души не чаявшая от "мисс Смит," однажды так далеко зашла в поклепах на Гольдман, что "мисс Смит" не выдержала: "Я и есть Эмма Гольдман" — сказала она. Богобоязная старушка, посмотрев на свою сестру милосердия и на фотографию Гольдман, произнесла только одно слово: "Ой!" Произнесла она это междометие не от испугу, а потому, что была очень высокого мнения о "мисс Смит."

О "причастности" Гольдман к покушению на Мак-Кинли следует сказать несколько подробнее, ибо это проливает до некоторой степени свет на "причастность" многих других анархистов к тому делу, за которое их казнили. Лето 1901 г. Гольдман решила провести в Чикаго. Проездом из Нью Иорка в Чикаго, она остановилсь на несколько дней в Кливланде: товарищи просили прочесть несколько лекций. Во время одной из лекций к Гольдман подошел молодой человек и попросил порекомендовать ему литературу для ознакомления с анархизмом. Гольдман посоветовала некоторые книги, там же на лекции продававшиеся. Тем дело и кончилось. Это было в мае месяце. В середине лета, вследствие сильной жары в Чикаго, Гольдман решила поехать на несколько недель к своим родным в Рочестер, Н. И. Выходя из дому, Гольдман встретила того самого молодого человека, который просил ее в Кливланде порекомендовать книги. Он назвал себя Ньюманом и добавил, что решил переселиться в Чикаго, так как в Кливленде почти нет анархистов, а ему хотелось бы работать вместе с анархистами. Времени до отхода поезда оставалось мало, поэтому Гольдман попросила Ипполита Ховела, сопровождавшего ее на вокзал, представить Ньюмена остальным чикагским товарищам. Больше она молодого человека нигде не встречала и лишь после рокового выстрела в Боффало узнала, что его настоящее имя—Чолгош. Но этого властям было достаточно для утверждения, что все инструкции Чолгош получил от Гольдман. Так обычно создаются все обвинения против анархистов. Эмме Гольдман посчастливилось избежать эшафота, но не оказались такими счастливцами Сакко, Ванцетти и другие анархисты.

Гольдман меньше всего была склонна к конспирации. Ее стихия — открытая легальная борьба. Поэтому свобода слова для Гольдман имела весьма большое значение. (В случаях конспирации свобода слова сама собой подразумевается.) С полным основанием Гольдман можно назвать чемпионом борьбы за свободу слова. Никто так энергично не работал на этом поприще. Как только появлялась на горизонте зловещая туча, грозившая заслонить лучи свободы слова, — Гольдман неизменно устремлялась туда. Первенство в смысле попирания свободы слова одно время принадлежало небольшому городу в южной Калифорнии — Сан Диего. Два раза Гольдман изгонялась оттуда, но все же она не сдалась и достигла своего: читала лекции в Сан Диего. Этот эпизод до того характерен (он отражает и американскую действительность и непоколебимость характера Гольдман), что на нем следует немного задержаться. История борьбы за освобождение человечества свидетельствует, что те, кому порабощение выгодно, неизбежно "в минуту жизни трудную" прибегают к помощи самого отталкивающего социального элемента — черносотенцев. Черносотенство фактически не что иное как хулиганство, прикрытое стягом патриотизма. В России черносотенство развивалось главным образом по линии расовых подразделений, в Америке же оно больше всего проявляется в области классовых подразделений, хотя расовые, национальные и даже религиозные подразделения тоже иногда играют большую роль. Западное побережье, где начало этого века ознаменовалось быстрым ростом прогрессивных индустриальных союзов, оказалось хорошей почвой для американского черносотенства. Индустриальные бароны, считая, что рост рабочих организаций обязан в значительной степени приезжим лекторам и агитаторам, решили преградить путь последним во все крупные индустриальные центры. Работа эта была поручена черносотенцам, прикрывшимся благородным именем — "виджиланти." ("Виджиланти" происходит от слова "бдительность," кстати весьма распространненого теперь в СССР). Бесчинствами "виджиланти," имевшими место в Монтане, Айдаго, Вашингтоне, Орегоне, Калифорнии, Аризоне и в др. штатах, обильно пересыпана история Индустриальных Рабочих Мира. (Об этом много могла

бы рассказать Элизабет Флинн, но она давно перешла к врагам рабочих — к большевикам).

Свои лекционные поездки (особенно продолжительные) Гольдман часто совершала совместно с Бенджамином Рейтманом,* много способствовавшим как успеху лекций, так и распространению анархической литературы. На этот раз — дело было в 1912 году — они тоже предприняли совместную поездку. Еще в Сан Франциско друзья советовали им изменить маршрут: не ехать в Сан Диего. Но Гольдман оказалась непреклонной... Прибыли они в Сан Диего под вечер и, конечно, были встречены на вокзале огромной, враждебно настроенной, толпой. К моменту прихода поезда некоторые гостинницы высылали свои дилижансы. Вскочив на один из таких дилижансов, Рейтману и Гольдман удалось, благодаря находчивости шофера (пустил машину во весь ход) вырваться из толпы. Не успели они разложить вещи в снятой комнате, как к ним постучался хозяин гостинницы и взволнованным голосом попросил спуститься вниз, где, по его словам, их хочет видеть важная городская делегация во главе с начальником полиции и мером города. Отказываться было бесполезно (с улицы уже отчетливо доносился гул толпы) пришлось последовать за хозяином гостинницы. Войдя в указанную комнату, Гольдман и Рейтман увидели там семь человек, стоявших словно под команду у самых дверей. Гольдман предложили пройти в соседнюю комнату, а Рейтману велели остаться в первой. В соседней комнате Гольдман, действительно, застала главу города, начальника полиции и др. важных городских персон. Глава города похвалил Гольдман за ее успешные лекции (я всегда интересуюсь вашими лекциями — подчеркнул он) и тут же добавил, что, собственно, явились они сюда в ее же, Гольдман, интересах. "Слышите, что делается на улице, — многозначительно изрек мэр. — Мой дружеский вам совет: немедленно уезжайте отсюда." Гольдман поблагодарила за "дружеский" совет, но уехать отказалась. При этом она прочла целую лекцию своим неожиданным слушателям. "Вы, обращаясь к мэру, заявила Гольдман, вероятно, не подозреваете, что сами же отрицаете то, что поставлены защищать — институт власти. Здесь, в этой комнате, как я вижу, собрались не то, что представители, а главари административной, законодательной и судебной власти, т. е. как раз те, кто должен поддерживать порядок в обществе. Какой же порядок вы можете поддерживать, если вы чистосердечно сознались, что не можете гарантировать мне безопасность? Выходит, что не вы командуете теми, что шумят за окном, а они вами. Какая же вы — твердая власть? И нужна ли вообще какая-либо власть?" Мэр дал понять, что дальнейшие разговоры с Гольдман бесполезны и что она может идти в ту комнату, из которой пришла сюда. Войдя туда, Гольдман обнаружила, что там нет никого, — ни Рейтмана, ни тех людей, которые стояли у дверей под команду. Где Рейтман? Гольдман бросилась наверх, в свою комнату, — там тоже Рейтмана нет. Побежала вниз, в ту комнату, где говорила с городскими главарями, — и там никого нет. Выбежала на улицу — тихо: шумевшая незадолго перед этим толпа как в воду канула, лишь отдельные личности — на вид весьма важные — прогуливаются перед гостинницей. Служащие гостинницы ничего толком не могут объяснить: одни отделываются обычным "не знаю," а другие пробуют вставлять неуместные шутки вроде: "Рейтман пошел гулять с другой барышней." Вдруг — телефонный звонок. Чей-то сиплый голос заверяет, что Рейтман жив и невредим и что она, Гольдман, его скоро увидит если... немедленно уедет из Сан Диего. Делать нечего — нужно уезжать. С первым же уходящим в Лос Анжелес поездом Гольдман уехала. Увы, несмотря на заверения сиплого голоса, Рейтман не присоединился в пути. В Лос Анжелес его тоже не оказалось. Где он! Где искать? Куда обратиться? Телефонные вызовы — на дальнее и близкое расстояние — без результатны. Вдруг — опять телефонный звонок, опять тот же сиплый голос сообщает, что в таком-то часу, с таким-то поездом Рейтман прибудет в Лос Анжелес. Еще задолго до прихода поезда — Гольдман уже на станции. Минуты ожидания кажутся вечностью. Наконец-то пришел поезд. Вышли пассажиры, но где-же Рейтман? Его нет. Когда на перроне почти никого не осталось, из крайнего вагона вышел... не то человек, не то чудовище. По походке Гольдман узнала, что это Рейтман, но какой его вид? Волосы всклочены, лицо черное, грязное, с плеч свисают какие-то отрепья. Скорее ванну, чистое белье...

Из слов Рейтмана Гольдман узнала, что как только она оставила его в комнате с

* Врач по образованию. Большую часть своей жизни прожил в Чикаго. Недавно умер.

семью молодцами, последние в один миг выхватили револьверы и приказали ему, Рейтману, следовать за ними. О сопротивлении нечего было и думать. Пришлось повиноваться. Молодцы втолкнули Рейтмана в старенький автомобиль и, после издевательств, доставили за город, в местность, называвшуюся Сорренто, где гордо развевался прикрепленный к древку американский флаг. Здесь раздели Рейтмана до-нага, поставили на колени, приказали целовать флаг и петь национальный гимн. Затем принялись награждать его пинками (удар ногою) вперемежку с отборными ругательными словами. Насладившись этим, облили кровоточащее тело Рейтмана смолою, обсыпали сухим шалфеем (за неимением перьев), а когда остановился на условный сигнал поезд, впихнули в вагон, бросив вдогонку нижнее белье, какие-то отрепья и жилетку, "чтобы было куда положить ж.-д. билет" — язвительно заметил один из хулиганов. На этом безобразие закончилось.

Приблизительно через год Гольдман и Рейтман опять появились в Сан Диего все с той же задачей — читать лекции. Опять пришлось отступить, хотя на сей раз дело до большого сканадала не дошло (если не считать того, что Рейтману все же пришлось претерпеть несколько плевков). Только в 1915 г. после городских выборов, когда победили лица, не связанные всецело с виджиланти, Гольдман смогла читать лекции в Сан Диего.

Такова была Эмма Гольдман. Встречая препятствие, она не обходила его, а снова и снова пускалась в атаку, пока не достигала своей цели. Отсюда вполне понятно, почему для Гольдман должна была быть возможность легальной работы. Гольдман не занималась анализом анархизма; она не рисовала контуров будущего общества, — она лишь расчищала путь для того, чтобы другие могли делать это. Где нет свободы слова, там нельзя говорить об анархизме, поэтому Гольдман и стремилась прежде всего к завоеванию свободы слова.

Прошло 15 лет со дня смерти Гольдман. (Отметим кстати, что со дня прекращения ее кипучей деятельности в Соед. Штатах прошло свыше 35 лет, ибо после высылки из этой страны в конце 1919 года всякая деятельность Гольдман здесь оборвалась.) Из крупных перемен, произошедших за это время, следует прежде всего отметить уход с общественной арены нацизма. Когда Гольдман умирала, Гитлер находился в зените своей славы; его полчища топтали значительную часть Европы. Последние минуты Гольдман вследствие этого были особенно мучительны. Она оставляла сей мир в момент, когда не было никакого просвета. К счастию, слава Гитлера оказалась недолговечной. Произошли некоторые перемены и в других областях жизни, но корень всех зол — социальное неравенство, как в экономическом, так и в политическом смысле — продолжает существовать. Поэтому потребность в таких людях, как Гольдман, в наше время чувствуется, пожалуй, острее чем тогда, когда 20-летняя блондинка появилась на улицах Нью Иорка.

Произошло последнее (в точности) 15 августа 1889 года. Гольдман тогда еще не знала, что такое анархизм, но она уже стояла у дверей анархизма. Казнь чикагских анархистов (в пятницу 11-го ноября 1887 г. вследствие чего этот день вошел в историю под знаком "черной пятницы") явилась в жизни Гольдман, как и в жизни многих других людей, поворотным пунктом. Тот факт, что Чикагская Драма разыгралась на почве требования улучшения условий рабочих, не согласовался в сознании Гольдман с официальной кличкой, данной казненым: "убийцы." Из личного опыта Гольдман знала, что такое эксплоатация (в это время она работала в одной из мастерских в Рочестер, Н. И.), поэтому ей казалось непонятным, почему людей требующих улучшения условий труда, следует считать плохими людьми. Случайно в руки Гольдман попала газета на немецком языке: — "Фрайгайт," издававшаяся Иоганном Мостом в Нью Иорке. Из этой газеты Гольдман узнала, что людей в Чикаго казнили не за их поступки, а за их убеждения. Узнала она также, что пока будет существовать социальное неравенство — явления, подобные Чикагской Драме — неизбежны. После этого у Гольдман, как позднее у чеховских сестер, горело лишь одно желание: в Нью Иорк! в Нью Иорк!

И вот она в Нью Иорке... — шагает пешком под палящими лучами августовского солнца от 42 улицы — Вест — в самый отдаленный уголок Ист Сайда — в Рутгер сквер. (Гольдман полагала, что расстояние от 42 улицы до Рутгер сквер — пустячное.) Судьба на сей раз оказалась в высшей степени милостивой: попав с пятью долларами в кармане в большой город, где Гольдман почти никого не знала — она в тот же день

встретила человека, ставшего ей на всю жизнь и другом, и товарищем по работе.

Речь идет об Александре Беркмане.

Не всегда Гольдман и Беркман соглашались; часто они расходились в основных вопросах; но среди всех анархистов не найдется другой "пары," действия которой так плодотворно согласовались бы, как действия Беркмана и Гольдман. Иногда смотрят на Беркмана и Гольдман, как на мужа и жену. Это не совсем верно. Во всех личных делах, в том числе и в "сердечных вопросах" Гольдман и Беркман оставались подлинными анархистами: признавали полную свободу. Гольдман нисколько не обижалась, если избранницей сердца Беркмана оказывалась другая женщина. Беркман в свою очередь не обижался, часто сталкиваясь с поклонниками Гольдман. Полная свобода в личных делах — девиз Беркмана и Гольдман. Они шли рука-об-руку, плечом к плечу лишь в идейной работе, там же, где идейная работа кончалась и начиналась личная жизнь — там они становились вполне независимыми. Впрочем, старались они сохранить известную самостоятельность и в области распространения анархизма. Несмотря на то, что часто им приходилось работать в одном и том же городе и даже в одном и том же помещении, но работали они как бы независимо друг от друга. Эмма Гольдман издавала свой журнал ("Мать-Земля"), а Беркман свой ("Порыв"). Редакция этих изданий иногда находились не только под одной крышей, но даже в одной комнате, но все же это были самостоятельные издания. Беркман не нес ответственности за то, что печаталось на страницах "Мать-Земли," а Гольдман не отвечала за журнал Беркмана. Никакой конкуренции между этими изданиями не было, — наоборот, они дополняли друг друга. Как бы подражая Беркману и Гольдман, другие анархисты — Ховел, Келлы, Багинский — издавали свои журналы, вследствие чего анархическое движение в США одно время было представлено довольно значительным количеством печатных органов.

Вступление Соединенных Штатов весной 1917 года в войну и проведение строгих военных законов создало условия, в которых анархическая работа стала почти невозможной. Беркман и Гольдман были арестовани за антимилитаристическую деятельность и заточены в тюрьму: Беркман в Атланта, Джорджия, а Гольдман в Джефферсон Сити, Мизури. (Интересно, что и на сей раз не обошлось без известной "клюквы": Беркмана и Гольдман судили не только как идейных противников войны, но и как... немецких шпионов.) По выходе из тюрьмы они, как известно, были депортированы в Россию, т.е. фактически вторично наказаны за одно и то же "преступление." Как результат депортации, въезд в Соединенные Штаты наглухо закрылся. Даже когда в Вашингтоне прочно обосновался Ф. Рузвельт — человек, по мнению некоторых, не только либеральный, но и радикальный — даже тогда Эмма Гольдман постоянно наталкивалась на неизменный отказ в выдаче разрешения на въезд в страну (за исключением кратковременных лекционных турне). Только весною 1940 г., когда беспокойное сердце Эммы Гольдман перестало биться — только тогда получено было разрешение на... погребение тела Гольдман на Валдгайском кладбище (в Чикаго) рядом с Чикагскими Мучениками. Бездыханное тело, повидимому, уже не представляло опасности вашингтонским властям.

Чикагская Драма — связующее звено в жизненном кругу Эммы Гольдман. Это — исходный пункт и конечный этап: исходный пункт, ибо она зажгла в сердце Гольдман священный огонь анархизма, конечный этап, ибо Гольдман упокоилась рядом с Чикагскими Мучениками. В течение своего сверх 30-летнего пребывания в США Эмме Гольман не раз приходилось посещать Валдгаймское кладбище; неоднократно она подолгу простаивала там, задумчиво глядя на величественный памятник Чикагским Мученикам. Ее описание этого памятника — лучшее во всей анархической литературе. И вот теперь она покоится там, где когда-то долго стояла в задумчивой позе.

Эмма Гольдман не одна... Валдгаймское кладбище может считаться анархическим кладбищем. Ни на одном кладбище не почиет столько анархистов. Кроме Эммы Гольдман и Чикагских Мучеников, там похоронены: 1) такая же выдающаяся женщина, как и Эмма Гольдман, — Вольтерина де Клэйр, 2) жена одного из Чикагских Мучеников — Люси Парсонс, 3) известный американский анархист — Харри Келлы, 4) многолетний друг и соратник Эммы Гольдман — Б. Рейтман, 5) долголетний редактор "ДТП" — Г. П. Максимов и 6) недавно умершая наша соотечественница — Анна Винокур. Кроме того, там похоронены некоторые немецкие анархисты, имена которых нам неизвестны.

Колокольцев

ОБ АНАРХИЗМЕ И ЕГО ОСУЩЕСТВИМОСТИ

Еще с самого начала XX столетия (1901 года) один из виднейших, далеко не понятый, апостолов анархизма, Л. Н. Толстой писал: *"Анархизм входит теперь в ту фазу развития, в которой был социализм 30 лет тому назад, он приобретает право гражданства в ученом мире."* И ныне, действительно, ни один ученый, будь то социолог, экономист или просто публицист не в состоянии обойти в своих работах молчанием вопроса об анархизме. Так или иначе, прямо или косвенно каждый из них касается в своих исследованиях явлений социальной жизни и идей анархизма. Другой вопрос, конечно, что эти ученые и публицисты говорят и как говорят об анархизме.

В большинстве случаев их исследование идей анархизма сводится к далеко не беспристрастной критике, к ложным выводам. Так, по крайней мере, было до сих пор и так будет, конечно, еще долго.

Если вы, беспристрастный, просто любознательный читатель, пожелаете познакомиться и разобраться в этой "ученой критике," если вы, выражаясь образно, приоткроете на миг двери "ученого мира," где вот уже шестой десяток лет анархизм "приобретает право гражданства," то вы слышите такой разноголосый концерт, такой базарный шум, в котором вам едва удастся разобраться и получить ответ на свой вопрос: что такое по существу анархизм? Познакомьтесь с мнением, критикой и выводами об анархизме *Адлера, Бернштейна, Бернацкого, Бухарина, Гарро, Кульчицкого, Ломброзо, Плеханова, Преображенского, Райсберга, Штамлера, Ященко* и других представителей и диллетантов социальных и экономических наук и вы не найдете среди этих "беспристрастных мужей науки и ее любителей" двух, мыслящих, понимающих и представляющих себе анархизм и его основные идеи одинаково и хоть мало-мальски правильно. Каждый из них толкует анархизм так, как ему больше всего "по душе," пристрастно-субъективно, а не беспристрастно-объективно, как требует наука, и каждый из них в конце концов считает долгом своей "ученой совести и чести" ущипнуть, а то и просто лягнуть анархизм.

Но почему же все это так?.. Куда девается объективность и беспристрастность ученых, всегда осторожных в своих исследованиях и утверждениях, не рискующих, например, определенно утверждать, каково точное количество простых элементов, указывающих, что категорическое утверждение "дважды два — четыре" неправильно, ибо "дважды два — приблизительно четыре," в высшей степени осторожных при исследованиях устройства пищеварительного аппарата или иного какого-нибудь органа у букашки, мушки или у какой-нибудь амебы, — куда девается, повторяю, вся объективность и осторожность ученых при исследовании сущности анархизма, той или иной его идеи? В чем причины этого, по меньшей степени, ненормального явления?

Причин здесь, конечно, как и во всяком явлении, много. Говоря о ближайших причинах, я остановлюсь только на двух, являющихся, по моему, главными, или точнее, одними из главных. Первая причина заключается в том, что *знакомство ученых исследователей с материалами по анархизму преимущественно происходит не непосредственно*, из первых, так сказать, источников, а при посредстве различных "объективных" изложений, сделанных ранее разными и далеко не объективно относящимися к анархизму, их предшественниками — учеными и публицистами-любителями. Непосредственное знакомство с анархическим материалом очень затруднительно, а иногда прямо таки невозможно, благодаря тем гонениям, которым подвергается анархизм со стороны разных официальных и неофициальных представителей власти.

"Наука еще не успела заняться изучением идей анархизма, говорит Гект. Цокколи, когда государство и мелкая политика наложили на них свои железные цепи. И государство, и политика стремятся к подавлению и уничтожению первых зародышей идеологии анархизма, в котором они видели общественное зло, а не к изучению причин, породивших его возникновение.

"И как результат всего этого, почти все произведения, написанные более чем на двадцати различных языках и появившиеся более чем в тридцати разных странах, буквально поглощены, и вышли из употребления, то благодаря полицейским преследованиям, то вследствие своего назначения для пропаганды.

"Самые богатые библиотеки относятся к анархистской литературе со странным пренебрежением, а среди самих пропагандистов анархизма коллекционеров не существует, так как они почти все обречены на крайнюю нужду, ссылку и тюремное заключение" (Неттлау).

Лучшим доказательством только что высказанного служит современное нам положе-

ние анархизма в России. Ничто, кажется, не преследовалось и не будет преследоваться с таким ожесточением и остервенением, как преследуются анархизм и его сторонники анархисты со стороны пьяных—пьяных и от вина и крови—агентов государства. Но несмотря на все преследования, каким подвергался анархизм, он все больше и больше завоевывает себе симпатии, все сильнее и глубже проникает в сознание пробуждающегося человека.

Вторая причина состоит в том, что большинство, если не все, представители из ученого лагеря стоят по ту сторону анархизма, в стане государственников, и стоят не только, так сказать, физически, объективно-материально, но главным образом идеологически, субъективно, психологически. Государственность так пронизала их психику, что им, даже при самом искреннем их желании, очень трудно быть объективными при изложении антигосударственных идей анархизма. Государственнические предрассудки глубоко вкоренились в их существо: государство для них существует так же, как для религиозно-верующего человека существует Бог. Всякому же должно быть ясно, что религиозно-верующий человек при изложении или критике атеизма (отрицание Бога) никогда не сможет быть беспристрастным, объективным в полном смысле этих двух слов.

Таковы вкратце те две причины, которые являются, по моему, главным препятствием объективного исследования, критики и изложения анархизма для представителей ученого мира. Но если положение анархизма в ученом мире так печально, то среди другой части общества, среди так называемых широких масс, дело обстоит, гораздо хуже. Хотя там анархизм с еще большей стремительностью, быстротой и силой приобретает себе "право гражданства," понятия и представления о нем там еще более неправильны, наивны, а порой прямо таки уродливы.

Анархизм среди широких кругов населения — синоним беспорядка, грабежей, убийств, и насилия вообще; это с одной стороны, а с другой — анархизм — это утопия, романтизм, несбыточная фантазия, мечты больных людей и т. п. Для одних анархисты — исчадие ада, преступники, просто бандиты, для других — наивные утописты, мечтатели-идеалисты, романтики, чудаки, не умеющие понять сущности реального бытия, земной, так сказать, не небесной жизни, предельной осуществимости идеала этой земной жизни и т. д., не умеющие, иначе говоря, различать то, что есть и что может быть, от того, что желательно, но что не может быть, что не осуществимо.

Так ли это? Нет, далеко не так, как мы увидим это ниже. Откуда же тогда эти противоречивые мнения об анархизме и анархистах?

Где и в чем причина этой разноголосицы, этих ложных понятий об анархизме?

И здесь опять таки, по моему, можно усмотреть две главных причины. Первая — темнота масс вообще и русских масс в особенности. Останавливаться долго на этой причине нечего: теперь уже всякому здравомыслящему человеку, свободному от всяких внешних ложных авторитетов и предрассудков, ясно, что причина всех уродливых явлений социальной, общественной, жизни кроется, главным образом, в темноте, окружающей человека, в его невежестве, область которого даже и теперь в XX веке, веке пара и электричества, еще очень и очень обширна.

Вторая причина кроется в том, что пропаганда и популяризация идей анархизма попала в руки его врагов. На книжном рынке, периодической и современной печати можно встретить сотни и тысячи брошюр и статей об и по анархизму. Десятки и даже сотни лекторов читают везде и повсюду доклады на ту же тему. Причем вся эта пропаганда и популяризация ведется почти исключительно разными государственными (партийными, беспартийными) "дельцами," явными или тайными, сознательными или бессознательными, врагами анархизма. Каждый такой пропагандист и популяризатор освещает, конечно, анархизм со своей государственной точки зрения, с точки зрения своей колокольни — партии. К чему может привести такая пропаганда и популяризация анархизма, всякому, не мудрствующему лукаво, должно быть ясно.

Бороться с этими "друзьями" анархизма анархистам очень трудно. Всякое устное или письменное слово анархистов душится государственной властью, усматривающей не без основания в правдивом слове анархистов, как и в самих анархистах, своего самого опасного и непримиримого врага. Лекции, беседы, доклады, клубы, читальни, газеты, журналы, литература вообще — все то, что служит средством пропаганды и агитации анархистам своих идей, — все это везде и всюду во все времена существования государства подвергалось гонениям и преследованиям, кончающимся в лучшем для анархистов случае разгромом и тюрьмой, в худшем

— пыткой и смертной казнью. И "так было и так будет" до тех пор, пока будет существовать какая бы то ни была государственная форма общежития.

Мы, анархисты, это прекрасно знаем, но нас это не пугает и не разочаровывает в нашей борьбе-работе. Наоборот, отношение к анархизму и анархистам лишь сильнее и прочнее утверждает нас в том, что истина на нашей стороне. Мы помним и знаем, что истина всегда была гонима, что прежде, чем стать всеобщей, ее нужно было выстрадать человечеству и что на своем пути к признанию она требует жертв. Но не только мы это знаем, знают это прекрасно также и те, кто нас гонит, как знают прекрасно они также и то, что своей "правды" штыками и пулями им все равно не доказать, ибо никто никогда, с каких пор существует человечество, не мог доказать таким путем своей истины.

На штыках можно подняться, но усидеть на штыках невозможно: они — остры, проколоть могут.

Но все равно рано или поздно победим все таки мы, победят идеи анархизма. Теперь же скажу словами Декама: "Одной головой анархиста больше или меньше, какое это имеет значение? Это не помешает анархизму распространяться."

Но оставим жизни решить, на чьей стороне правда, и перейдем ближе к вопросу, интересующему нас в данный момент: кто же такие анархисты?

Выше я уже говорил, что как ни разнообразны, как ни различны мнения об анархистах среди масс, их все таки можно свести к двум основным категориям: одни смотрят на анархистов, как на зло, как на чертей, как на разбойников, грабителей, преступников, бандитов; другие видят в них фантазеров, мечтателей-идеалистов, романтиков, утопистов и просто больных людей.

Задача этой моей работы доказать, что анархисты — ни то, ни другое, что они не ангелы и не черти, что они самые обыкновенные смертные со всеми присущими последним достоинствами и недостатками, что анархизм — философия пробудившегося от долгого рабства человека, не желающего более терпеть над собой какое бы то ни было социальное ярмо, будь то ярмо политическое, экономическое или духовное.

Человек после многовековой борьбы вышел наконец "из животного рабства и, пройдя через божественное рабство, — переходное состояние между его животностью и человечностью, — находится теперь на пути к завоеванию и осуществлению человеческой свободы." И этот человек — анархист, а его мировоззрение, его идеология, стремления его души — анархизм.

Б. Стоянов

Нам часто говорят: "Попробуйте коснуться клочка земли крестьянина, домишки рабочего, и вы увидите, что они вас встретят с поднятыми кулаками и с вилами в руках!" Прекрасно! Но ведь мы уже говорили, что мы не коснемся ни клочка земли крестьянина, ни домишки рабочего; мы не тронем наших лучших друзей, которые, сами того не сознавая, скоро станут нашими союзниками. Экспроприация будет, конечно, произведена в их пользу. Мы знаем, что существует средний уровень дохода, ниже которого умирают с голода, выше которого пользуются некоторым излишком. В каждом городе, в каждой стране, этот средний уровень различен; народный инстинкт не ошибается; без статистических таблиц, без толстых томов с точными данными, народ сумеет захватить все принадлежащее ему. В нашем обществе незначительное меньшинство завладело лучшей частью народного достояния, построило себе дворцы, внесло в банки на свое имя деньги, билеты, всевозможные ценные бумаги, эти плоды труда всего общества. Все это мы должны забрать в свои руки, и тогда мы сразу освободим несчастного крестьянина, умирающего с голода на своем заложенном клочке земли, мелкого торговца, живущого в вечном страхе при мысли о всевозможных стеснениях и неизбежном разорении, и весь голодный, угнетенный народ. В день экспроприации народ должен понять, что от него самого зависит, остаться ли свободным или снова впасть в нищету и вечную тревогу. Неужели он с прежней наивностью опять выберет временное правительство из краснобаев и ловкачей? Не будет ли он тогда раскаиваться, что заменил старых правителей новыми? Пусть народ сам возьмется за свои дела, если он хочет добиться чего-нибудь — пусть он их поручит своим делегатам, если ему нравится быть обманутым.

М. Бакунин

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"!

Исторический Отдел

КАК ЗАРОДИЛСЯ ЖУРНАЛ "ВОЛНА"?

В конце 1918 года я приехал в Кливланд, Охайо, к своему другу и товарищу Осипу Ивановичу. На следующий день мы оба пошли в зал Союза Русских Рабочих на Вудланд улице, где Осип Иванович познакомил меня со старыми передовыми товарищами СРР — Мурашко, Сергеев, Шевченко и другие. Культурно - просветительная работа СРР велась широко и успешно.

Разгром русских радикальных организаций в Канаде предшествовал Палмеровским погромам в США. Поэтому ряд лиц, приехавших из Канады, вступили в СРР г. Кливланда. Здесь следует сделать оговорку: в Канаде не было СРР, но существовала партия социалистов-революционеров (максималистов), в которой произошел раскол. Правые стали называться коммунистами-большевиками, а левые — объединились под разными именами, но направление и дух были анархические. Многие, приехавшие в США, примкнули к Союзам Русских Рабочих. Из таких русских канадцев в Кливланде следует отметить т. Перегуду (уехал в Россию и там умер), Майстренко, Новикова, братья Колесники и Антон Ли.*

Жаль, что идея об истории нашего движения не пришла к нам раньше: многие материалы, имеющие историческую ценность, утеряны, а многие эпизоды движения позабыты. Хочется верить, что у кого-то из старых союзовцев или групповиков сохранились хронологические даты, отчеты, резолюции и прочие материалы. У меня лично ничего не сохранилось, за исключением того, что осталось в памяти.

Палмеровский налет на СРР в Кливланде произошел внезапно. Арестовали несколько деятельных членов. Арестов было бы гораздо больше, но, к счастью, там не оказалось во время налета видных передовых членов СРР; налеты же полиции на квартиры уже не давали внезапной эффективности. Организационная работа как будто на время притихла, клуб закрылся, но Союз продолжал функционировать, деловые собрания происходили тайно.

В районе Кливланда находится небольшой индустриальный городок Бедфорд, в котором существовал немногочисленный, но довольно деятельный СРР, где проявили себя П. Мит—в и И. Ст—в.

После закрытия клуба на Вудланд улице мы собирались несколько раз на частной квартире для обсуждения вопроса, как вновь наладить организационную работу, прерванную палмеровщиной. Печатный орган Федерации Союзов Русских Рабочих "Хлеб и Воля" был разгромлен, члены Редакционной Коллегии арестованы; была разгромлена и типография общеколониальной радикальной ежедневной газеты "Рабочий и Крестьянин"; сотни передовых деятельных членов Федерации СРР находились в тюрьмах разных городов Америки. Нужно было что-то делать, что-то предпринять, но что и как?

Союз Индустриальных Рабочих Мира, хотя и братская организация, но все же не анархическая, через свой печатный орган "Индустриальный Рабочий" забил в набат, призывая членов СРР примкнуть к ИРМ; в особенности заинтересовался нашей судьбой редактор вышеупомянутой газеты — Яков Сибирский.† С ним и другими надо было спорить, полемизировать, что было невозможно без своего печатного органа.

Было решено организовать подпольные группы и следовать учению и принципам анархического (свободного) коммунизма и стараться изо всех сил организовать издание журнала, в котором излагались бы и проповедывались учение и принципы безвластного коммунизма. И, спустя два месяца после Палмеровских погромов, т. е. в январе 1920 года, был выпущен первый номер журнала "Волна."

Название журнала "Волна" было принято после продолжительной дискуссии. Название это предложил Антон Ли. Оно было принято единогласно, т. к. соответствовало духу времени: *хлещут буйные народные волны, подмывая и разрушая крепкие устои твердыни Капитала и Власти; ни штыки, ни тюрьмы, ни кадила да кресты не в силах удержать*

---

* Авторам воспоминаний следовало бы указывать не только фамилии, но **имена и отчества** упоминаемых ими лиц, потому что часто бывает, что одну и ту же фамилию носят несколько лиц, даже не имеющих какого-либо родства.—РЕД.

† Яков Санжур, умер в 1939 г.—РЕД.

эту народную волну — волнующее народное желание, влекущее к свободе, справедливости, равенству и счастью.

Предложение об иллюстрации обложки журнала с изображением волн, подмывающих и разрушающих твердыню Капитала, Власти и Религии, было внесено автором этой статьи и единогласно принято. Лозунги: "От каждого по способности и каждому по потребности," "Дух разрушающий есть дух созидающий," а также Свобода, несущая анархическое знамя, добавились после по рекомендации групп и отдельных товарищей. Мы желали дать читателям журнала главные анархические лозунги, т. к. верилось, что лозунги с первой же страницы должны показать читателю, что означает и что несет человечеству анархическое учение. Теперь, может быть, покажется кому-либо все это крикливым, но тогда мы так понимали и так верили.

Выход в свет журнала "Волна" не только обрадовал и окрылил членов СРР, но и всю русскую колонию США и Канады. Закипела организационная работа.

Как известно, способные передовые товарищи были депортированы или сидели по тюрьмам. Поэтому надо было малоопытным или совсем неопытным товарищам выступать вперед, ибо организационное дело не ждало и не могло ждать.

Первые несколько номеров журнала "Волна" не пересылались по почте, а развозились по городам. Нашлись также и сотрудники журнала: писали рабочие заводов и фабрик, шахтеры, моряки. Денежные пожертвования шли потоком со всех концов. Письма и корреспонденции, написанные крестьянами и рабочими хотя и неграмотно, но искренно, исходили от глубины души и сердца.

Нам нужен был редактор, а где его найти? На выручку явился Осип Иванович, он же Европейский. Правда, взялся он за работу весьма неохотно, боязно, осторожно. Энтузиазм его возрос и вера в свои силы укрепилась только после выхода первого номера. Среди нас в Кливланде он был единственным грамотным человеком. Он часто грозил мне разрывом нашей дружбы.

—В чем дело, Осип Иванович?—спрашивал я:—Чем я провинился?

—Как чем?—говорил он:—Мы—товарищи, идем на деловое собрание или на массовой митинг, вы со мной не сидите, как другие товарищи, и всегда заставляете меня работать, номинируя меня в секретари...

Осип Иванович умел даже протоколы писать поэтично—в рифму.

Просиживал Осип Иванович ночи, перерабатывая поэзию шахтера из Пеннсильвании или статью члена Редакционной Коллегии, который после переработки не узнавал собственной статьи. У нас было постановление, что каждый член Редколлегии должен что-либо написать. Осип Иванович проредактировал три номера журнала "Волна."

Антона арестовали с журналом в поезде, избили, поломали ребра, вышибли зубы, но Антон никого не выдал, и чемодан, в котором оказался журнал, достался ему от соседа по вагону — так он твердил полиции.

Несколько дней спустя, после ужина к нам постучали в дверь; жена купала ребенка и укладывала в колыбель, я помогал окутывать в одеяльце, Осип Иванович читал какую-то брошюру Ленина. Услышав стук, он пошел к двери, его спросили, тут ли живет У? Осип позвал меня. Пока я приблизился к двери — "архангелы" уже были внутри дома, показывая полицейские бляхи. На столе в гостинной лежал журнал на английском языке "Свободная Россия." Мне стали тыкать журнал под нос, спрашивая, являюсь ли я членом издательской группы. Журнал был легальный и продавался открыто в газетных киосках. Осмотрев квартиру, "архангелы" направились к выходу и в дверях столкнулись с Осипом.

—Ты куда ходил?—спрашивают. Осип замялся, а потом говорит:

—Ходил в подвал дров подкинуть в печь.

—Идем посмотрим.

Когра сошли в подвал, огня в печи не оказалось; "архангелы" стали шарить.

Оказалось, что пока полицейские меня допрашивали в гостинной, Осип, сидя на кухне, слушал допрос и заключил, что раз обвиняют за чтение легального журнала "Свободная Россия," то ему не сдобровать за чтение ленинской брошюры, которую он решил спрятать в подвале. Брошюру нашли за балкой. Затем пришли в его комнату и в комоде нашли рукописную книгу большого формата в 400 страниц — многолетние сочинения Осипа Ивановича — подражания Пушкину и Лермонтову, которых он очень любил, а также много коротких прекрасных стихотворений. Осипа с книгой арестовали.

В течение двух недель полиция "изучала"

поэмы и стихи Осипа и не предъявляла ему никакого обвинения. На третью неделю Осипа посадили в одиночку, как "опасного красного," требуя 5,000 д. залога. Такой суммы мы не могли собрать. Два дня спустя, его выпустили под залог в 1000 долларов; книгу не вернули и сказали, что отошлют в Вашингтон на "изучение." Через пару месяцев Осип Иванович уехал в Россию, а я вернулся в Детройт.

Организационную работу в Детройте я нашел в полном разгаре: Кооперативное Общество, Профессиональный Союз и Театральное Общество делали большое культурно-просветительное дело для русской колонии в Америке. Надо, конечно, признать тот факт, что как только члены какой-либо из вышеупомянутых организаций уклонялись от общественных идеалов, на собрание являлись групповики, подвергали эгоистов основательной критике, а затем возбуждали, вдохновляли, подзадоривали и подталкивали эти общества на добрые дела.

Интернациональное Кооперативное Общество, Театральное Общество и Профсоюз были школой, в которой русские колонисты Детройта учились понимать и ценить идеи и науку, познавать добро и зло.

Кооперативцы кормили в своих ресторанах русских и всех других посетителей свежей здоровой пищей, а накормив, говорили им: "А ну-ка, братцы, не единым хлебом жив человек, пожалуйте на лекцию, вкусите и духовной пищи." Члены Театрального Общества приглашали к себе на спектакли и концерты — полюбуйтесь нашими актерами! (Ласик, Старовский, Манджосов — их уже нет с нами, но дела их никогда не умрут). Послушайте хоровое пение, поглядите на Близнюка, как он дирижирует! И русская колония Детройта пела с Близнюком, наслаждалась игрой струнного оркестра.

Члены вышеупомянутых трех организаций неусыпной и безустанной работой на поприще народного просвещения заслужили себе почетное место среди тех людей, которые вечно несут неугасаемый факел свободы и указывают человечеству путь к благородству, братству, равенству, добру и счастью.

Федерация Союзов Русских Рабочих и Федерация Анархо-Коммунистических Групп, друзья и сочувствующие их деятельности смело могут гордиться всем тем, что они дали русско-американской колонии. Их заботами и на их средства были изданы самые ценные труды Петра Алексеевича Кропоткина, М. А. Бакунина, Жана Грава, Реклю, Рубакина, Малатесты и многих других. Газеты и журналы обоих федераций — "Голос Труда," "Хлеб и Воля," "Рабочий и Крестьянин," "Волна," "Американские Известия," "Рассвет," "Анархический Вестник," "Дело Труда," "Пробуждение," а ныне "Дело Труда-Пробуждение" — звали и зовут к добру и свету, к свободе, равенству и братству, к знанию и справедливости для всех.

Бурное и славное было время. *И. У.*

Кто говорит об откровении, тот этим самым говорит о божественных мессиях, пророках, пастырях и законодателях; коль скоро же они являются представителями бога на земле, самим богом избранные учителя человечества, то само собой разумеется, что они имеют неограниченную власть. Все люди обязаны им слепо поклоняться, так как по сравнению с божественным разумом человеческий не имеет никакого значения, по сравнению с божественной справедливостью земная не имеет никакого значения. Как рабы бога, люди должны быть рабами церкви и, по скольку последняя освящает государство, и рабами государства.

М. Бакунин

"Наука и промышленность, теория и практика, изобретение и исполнение, которое ведет опять к новым изобритениям, умственная и физическая работа, — все это связано между собой. Всякое открытие, всякий прогресс, всякое увеличение наших богатств вытекает из общей физической и духовной деятельности прошедшего и настоящего. По какому же праву кто-нибудь может себе сказать: это принадлежит мне, а не вам?"

—*П. Кропоткин*

В примечаниях к стихам автора Интернационала, Эжена Потье, "Избранное," Москва, 1950 г., дано такое объяснение: в 1879-1880 гг. *"рабочее движение Франции дезорганизовали небольшие анархистические группы."* — Браво! По-большевистски!

К стихотворению, посвященному Луизе Мишель, примечание гласит: "Участница и поэтесса Коммуны."

У большевистского писаки не повернется, конечно, рука написать "анархистка," потому что и большевики почитают Луизу Мишель и считают "своею." *А.Ш.*

ОТВЕТ КЛЕВЕТНИКАМ (О Н. МАХНО и МАХНОВЩИНЕ)

ОТ РЕДАКЦИИ: В последнее время в разных эмигрантских газетах и журналах появилось ряд статей против Нестора Махно и Махновщины, а в "ДОПОЛНЕНИИ" к Энциклопедическому Словарю Ф. Павленкова, недавно переизданному в Нью Иорке, некий автор, говоря о махновцах, дает ложную информацию и клевещет на Махно и Махновщину, приписывая им "жестокие еврейские погромы." Как сами статьи против Махно и Махновщины в эмигрантских газетах и журналах, так и "сведения," содержащиеся в "дополнении" к Словарю Павленкова, не соответствуют истине — подлинным историческим фактам. Для наглядности приводим из "дополнения" к Словарю (страница 96) полный текст т. н. информации о махновцах, изобилующей, кстати сказать, многими погрешностями и несуразностями:

"**МАХНОВЦЫ** — так называлась в 1920 г. на Украине весьма обширная ветвь крестьянского движения, боровшегося, как с красной, так и белой армией. Руководителем был Махно Нестор, объявивший себя анархистом. Центр движения было село Гуляй-Поле. Отряды махновцев действовали в Екатеринославской и Харьковской губ. Одно время (?) им удавалось захватить ряд городов и местечек; набеги махновцев сопрогождались жестокими еврейскими погромами. В конце 1920 г. красная армия заключила договор со штабом Махно; махновцы были легализованы, в Харькове при участии разных анархических групп возникла газета 'Голос Махновца.' Скоро однако произошли конфликты между большевиками и махновцами. Последние стали арестовываться, а сам Махно скрылся и затем бежал заграницу."

Чтобы доказать всю абсурдность злонамеренных, клеветнических утверждений и в опровержение нелепых и гнусных измышлений безответственных лиц, мы помещаем ниже статью одного из видных анархистов и участников Махновского движения — Волина (В. М. Эйхенбаума), а затем статью многолетнего редактора нашего журнала — покойного т. Максимова, который дополняет статью Волина и многочисленными фактическими данными доказывает, что ни Махно, ни Махновщина не только не занимались еврейскими погромами, но и решительно боролись с ними. Статья Волина "Нестор Махно" была написана после смерти последнего и напечатана в журнале "Дело Труда" в выпуске за октярь-ноябрь 1934 г., № 82-й, а статья Максимова "Нестор Махно и погромы" — в № 84-м, в выпуске за январь-февраль 1935 года.

РЕД. КОЛЛЕГИЯ

НЕСТОР МАХНО

В ночь на 25 июля 1934 г. в Париже, после тяжелой, тянувшейся долгие годы болезни, — туберкулеза легких, осложненного другими недугами на почве общего истощения организма, — умер тов. Нестор Махно. Имя его, известное далеко за пределами чисто анархического движения, тесно связано с одним из замечательных в истории массовых движений: с независимым, проникнутым духом безвластия, восстанием широких трудовых — главным образом, крестьянских — масс против не только всяких, навязывавших себя поработителей, но и, что особенно замечательно, против *самой идеи власти и порабощения.* Нестор Махно был, как известно, одним из вдохновителей этого движения и, прежде всего, организатором и руководителем его *боевого ядра,* его *вооруженной силы:* так называемой "Революционной Повстанческой Армии Украины (Махновцев)."

Дать в небольшой заметке хотя бы приблизительный очерк жизни и деятельности Махно невозможно. Такой очерк и не входит в мою задачу. Здесь я хочу лишь отметить вкратце основные моменты этой необыкновенной жизни и деятельности, а также некоторые факты, мало известные широким кругам товарищей.

Махно родился в 1889 году в селе Гуляй-Поле, Александровского уезда, Екатеринославской губерни, в очень бедной крестьянской семье. Мало кто из товарищей знает, что полные имя и фамилия его были: Нестор Иванович *Михненко-Махно,* причем подлинная, старая, "родовая" его фамилия была *Михненко* (под этой именно фамилией он жил и умер в Париже); *Махно* же было прибавлено к этой фамилии впоследствии, как *прозвище,* и стало затем как-бы его второй фамилией.

Все рассказы о том, что он был сельским учителем, являются вымыслом. Семилетним ребенком Махно вынужден был начать работать: он служил подпаском в родном селе. Двенадцати лет, окончив местную начальную школу, т. е. едва научившись читать и

писать, он пошел работать на сторону: работал в помещичьих усадьбах и чернорабочим на мелких заводах.

Революция 1905 года втянула его в поток общественных событий, ввела в круг политических и социальных проблем. Инстинктивно ненавидя насилие над трудовым народом, власть и несправедливость; болея душой за обездоленную бедноту; наделеный от природы боевым темпераментом, Махно вскоре сблизился с действовавшими в то время на юге анархо-коммунистическими группами и, семнадцатилетним юношей, примкнул к их пропагандистской и боевой работе. Одаренный недюжинным умом и живым критическим чутьем, он рано разобрался в лицемерии и "неполной правде" политических партий. Учение анархизма в наибольшей степени отвечало его собственным устремлениям. Этому учению он остался верен до конца.

Первый период его деятельности оборвался очень скоро. Уже в 1908 году его арестовывают, приговаривают, за участие в анархических сообществах и террористических актах, к повешению и заменяют затем, по несовершеннолетию, смертную казнь бессрочной каторгой. Каторгу эту Махно отбывал не в Сибири, как это часто упоминается в печати, а в Московской центральной пересыльной тюрьме (Бутырках).

В тюрьме Махно провел 9 лет, до освободившей его февральской революции 1917 года. Три главных момента должны быть отмечены в этой его тюремной жизни: 1) его неустанная борьба против тюремных порядков и начальства; 2) его упорная работа над пополнением своего образования (он вышел из тюрьмы сравнительно грамотным и замечательно пополнившим свой идейный багаж); 3) заболевание туберкулезом, сведшим его впоследствии в могилу в возрасте всего лишь 44-х лет.

По освобождении из тюрьмы, Махно возвращается в родные места и тотчас же приступает снова к напряженной общественно-революционной работе в анархо-коммунистическом направлении. До занятия Украины австро-германскими войсками (весной 1918 г.) он ведет усиленную пропагандистскую и организационную работу: организует вольные советы, вдохновляет крестьянство на решительную борьбу с помещиками и подготовляет массы к грядущей борьбе. Но, начиная с весны 1918 г., всякая организационная, созидательная работа в районе становится невозможной. События все более и более вынуждают массы обратиться к чисто боевой деятельности. С этого момента и до последнего дня жизни его в России Махно целиком отдается делу организации боевого сопротивления трудящихся масс Украины всем попыткам навязать этим массам каких бы то ни было властителей и эксплуататоров.

Начинается героическая вооруженная борьба повстанцев, под руководством Махно, против гетмана Скоропадского и австро-германцев, против Петлюры, против контр-революционных наступлений Деникина и Врангеля, и, в конечном счете, против новых властителей — большевиков. Перипетии этой борьбы, ее захватывающая история, — не могут быть здесь рассказаны. Интересующийся повстанческой эпопеей читатель должен обратиться к единственной до сих пор работе, достаточно полно и последовательно излагающей события этой трехлетней борьбы: "История Махновского Движения" П. Аршинова, одного из близких участников движения. Отмечу лишь главные факты.

Все разговоры о том, что Махно "перекидывался" то на сторону одних, то на сторону других боровшихся сил, являются сплошным вымыслом. С начала и до конца Махно боролся *за анархическую идею безвластной, федеративной организации общества на основе свободных трудовых группировок.* Именно эту идею отстаивал он в своей борьбе с большевиками. Никогда и никому он не "служил," не "продавался," не "подчинялся," и никому не "изменял." С "белыми" он никогда и ни в какие соглашения или хотя бы переговоры не вступал. Все такие басни или основаны на полном незнании фактов и только смешны, или сознательно вымышлены. Что же касается большевиков, то Махно, в полном согласии со своими товарищами по борьбе и с массами, дважды вступал с ними во временное соглашение. Этот факт служит ему к большой чести. При всем его отрицательном отношении к большевистской власти, при всем его тонком понимании и знании ее лицемерной, насильнической и эксплуататорской сущности, Махно считал ее, по тому времени, меньшим злом по сравнению с белой контр-революцией. Не видя другой возможности разбить Деникина и, позже, Врангеля, как прекратив борьбу с большевиками, обрушиться на генералов, он подчинял свое личное чувство ненависти и недоверия к большевикам более важной, с его точки зре-

ния, задаче: спасению *революции*. И, скрепя сердце, он заключал "мир" с большевиками. Последние, не надеясь на собственные силы, принимали этот "мир"... до поры до времени. И Махно, таки, дважды спас революцию. Это *он* разбил на-голову лучшие офицерские полки Деникина, посланные для его уничтожения, и этим заставил генерала отступить из-под Москвы. Это *он* нанес ряд решительных поражений армии Врангеля. Большевики, с их красными дивизиями, являлись уже "на готовое": они били в тыл сбитым повстанцами и отступавшим белым войскам. И оба раза, после победы, большевики обманно, предательски нарушали заключенное с Махно соглашение и беспощадно обрушивались на повстанцев и на все движение. Почти чудом надо считать, что Махно каждый раз выходил победителем из этих схваток, т. е. оставался неуловимым, свободным в своих действиях и готовым к новым схваткам. И лишь в 1921 году, окруженный освободившимися на всех фронтах многочисленными красными дивизиями, Махно вынужден был прекратить всякую борьбу и перейти границу.

Все рассказы о совершенных, якобы, самим Махно или его повстанческими частями *еврейских погромах* относятся к той же области либо обывательских сплетен, либо сознательной клеветы. Читатель найдет в упомянутой уже мною книге П. Аршинова достаточно *точных данных*, опровергающих эти *басни*. К этим данным я должен добавить два существенных факта:

1) Легенда о еврейских погромах, якобы совершенных махновцами, основана в значительной степени на том обстоятельстве, что Украина в то время кишела всякого рода беспринципными, разгульными и просто преступными бандами, которые часто и охотно именовали себя "махновцами," как прикрытием, как "защитным именем." Такое положение вещей, естественно, создало путаницу. Но всякий *честный* исследователь, журналист — и просто человек — должен стараться разобраться в этой сложной обстановке или молчать, а не повторять сплетни и клевету.

2) В бытность мою в Берлине, мне пришлось беседовать о еврейских погромах и махновщине с известным исследователем и историком гонений на евреев в России — г. Чериковер. Последний сообщил мне два существенных факта: "Во-первых, — сказал он мне, — всякий раз, когда я добирался до *точных* указаний на то, *где* и *когда* был совершен махновцами тот или иной еврейский погром, и когда я затем сопоставлял эти указания с *точными данными* о местопребывании махновцев в момент погрома, оказывалось, что *махновская армия находилась в этот момент в совершенно другом месте;* так что, до сих пор я ни разу не мог установить совпадения погрома с пребыванием в той же местности махновских повстанцев. Во-вторых, на основании произведенных мною исследований, я могу утверждать, что из всех, действовавших в России во время гражданской войны, армий, — в том числе и красной, — наиболее прилично в отношении еврейского населения вела себя именно махновская армия." Г. Чериковер — не анархист. Он, просто, — добросовестный историк, ищущий и устанавливающий *правду*, не в пример писакам и "журналистам," подобным пресловутому Кесселю, клевещущему на Махно в парижских газетах "Matin" (№ 18407, 13-8-1934) и "Marianne" (№ 97, 29-8-1934), или "журналисту" милюковских "Последних Новостей" (№ 4875, 29-8-1934), бессовестно повторяющему клевету и не смеющему даже подписать под нею свое имя. Касаясь здесь начинающейся уже литературы о Махно, я должен упомянуть и об одном положительном факте. В парижской газете "Le Temps" — самой серьезной, деловой буржуазной газете Франции — появилась, в виде статьи, большая корреспонденция из России, за подписью Пьер Берланд, под заглавием "Makhno" (№ 26659, 28-8-1934), где, за исключением кой-каких мелких ошибок, дается верная характеристика Махно и правильная оценка его деятельности. Статья эта является жестокой пощечиной клеветникам типа Кесселя или милюковского журналиста.

Хороший массовый оратор, Махно, занятый фронтом и чисто боевой задачей защиты революции от враждебных ей сил, не имел достаточно времени для идейной и пропагандистской работы. На эту работу он звал в район движения анархистов. К сожалению, их было не много в России. Вынужденные усиленно работать на всем протяжении огромной страны, притом жестоко преследуемые новой властью, анархисты-пропагандисты не смогли уделить району махновского движения достаточно сил, в течение достаточно долгого времени. Здесь кроется одна из причин того, что анархистская работа в районе велась менее энергично, чем этого требовали обстоятельства. Другая причина

недостаточного внимания анархистов к району махновского движения заключается в том, что многие анархисты относились к этому движению с недоверием, как к "не организованному" и не чисто анархическому.

Многие спрашивают себя, в чем был секрет огромного влияния Махно на шедшие с ним (подчеркиваю: *с ним*, а не *за ним)* массы. Ведь были в движении, несомненно, люди *сильнее* его и духом, и умом, и словом (напомню имена Веретельникова, Гавриленко, Куриленко). Почему *именно Махно* стал свободно признанным боевым руководителем движения? На мой взгляд, этот факт объясняется двумя главными причинами. Во-первых, Махно, с первых же дней борьбы, показал себя беззаветно смелым, решительным и исключительно искусным боевым стратегом. В самые трагические моменты, в самых рискованных — порой безнадежных — обстоятельствах, на него можно было всегда целиком положиться. Его боевая находчивость, быстрая сообразительность, необычайная решительность в выполнении плана были совершенно исключительны. Во-вторых, (и это — еще важнее) Махно *хорошо понимал и любил* ту *массовую стихию,* которая, на время, получила на Украине возможность свободного размаха и без которой *подлинная* революция невозможна. Махно был *плоть от плоти и кровь от крови* этой стихии. Он верил ей. Он был весь целиком в ней и с нею. Он никогда не изменял ей. И стихия отвечала ему той же любовью, тем же пониманием, тем же доверием, той же естественной преданностью. Эту стихию Махно хотел вести к полной победе. Элемент власти, выступивший во всеоружии против этой массовой стихии, в конце концов, разбил ее, а вместе с нею и революцию. Вместе с гибелью стихии, пал и ее главный вдохновитель — Махно. Разумеется, к этим основным причинам исключительного влияния Махно следует прибавить ряд других, приходящих обстоятельств, как-то: старый идейный ореол Махно по возвращении его из каторги в родные места, первые его боевые удачи, роль случая и т. п.

***

Прорвавшись заграницу, Махно пробыл некоторое время в Румынии, куда он попал прежде всего, переправившись через Днестр, и где он был арестован и затем освобожден. Из Румынии Махно переправился в Польшу, где он, опять-таки, был арестован, судим за вымышленные политические преступления и оправдан. Отсюда Махно попал в Данциг, тоже в условия заключенного, откуда нескольким товарищам удалось его вызволить лишь с большим трудом. Из Данцига Махно перекочевал в Берлин, где он мог жить сравнительно свободно, и откуда он переехал впоследствии в Париж. В Париже он оставался до самой смерти.

Для парижских товарищей смерть Нестора Махно не была неожиданностью. Он давно болел — тяжело, мучительно. К тому же, вся жизнь его за границей сложилась тоже тяжело, беспорядочно, болезненно. Его активный темперамент не мог мириться с вынужденной (заграничным положением и болезнью) бездеятельностью. Некоторые другие стороны его характера усиливали тяжесть его положения. В сущности, все эти 13 лет, которые Махно провел за границей, были медленным умиранием, тихой и тяжкой агонией. Можно только удивляться тому, что этот маленький, тщедушный, ставший хилым, смертельно больной человек, весь израненный (он был ранен в боях до 12-ти раз, притом дважды тяжело, с огромной потерей крови, так-что выжил чудом) весь изношенный, замученный, с разбитой ногой, с туберкулезом обоих легких, живя в ужасных условиях, — протянул еще целых 13 лет, борясь со смертью. Природа дала ему железный организм, отчаянно боровшийся за свое существование и сдавшийся лишь тогда, когда, по свидетельству врачей, в нем почти ничего не осталось от обоих легких. Борьба со смертью была последним "боевым подвигом" Махно. Отныне его имя, его личность и его дела принадлежат истории.

***

Последние месяцы своей жизни Махно провел на больничной койке, в госпитале Тенон, куда его поместили ввиду резкого ухудшения болезни. Близкие товарищи часто навещали его. Они видели его умирание и не сомневались в близости конца. Они сознавали, что из больницы ему уже не выйти. Врачи говорили то же. Умер Махно ночью, один, во сне, без страданий. Смерть его была констатирована лишь на следующий день, рано утром.

28 июля останки Нестора Махно были сожжены в колумбарии кладбища Pere-Lachaise. Хотя к этому времени смерть Махно не была еще широко известна, на кладбище собралось до 400 человек. В течение часа, пока сжигалось тело, некоторые товарищи посвятили покойному прочувственное слово.

Урна с пеплом Махно замурована в стене колумбария за номером 3934. После Махно осталась жена и дочь 11-ти лет.

**
*

Каково литературное наследие Махно?

Надо сказать, что писал Махно в анархических изданиях в России и заграницей, охотно и довольно много. Мелкие его статьи разбросаны по многим анархическим газетам и журналам. Его литературная работа сильно замедлялась, конечно, болезнью и, главное, необходимостью редактирования и перевода. В Германии вышла небольшая его брошюра об анархизме: "Азбука анархизма" (на немецком языке). Мне неизвестно, вышла ли она на других языках, кроме немецкого. На руках у нескольких близких друзей Махно оставил значительное количество чрезвычайно ценных материалов: документов, печатных набросков, записок, писем и т. д. (Еще более значительное количество материалов погибло при перемещениях, арестах и побегах. Важные для истории движения документы были конфискованы у Махно румынской полицией. Неизвестно, целы ли они. Если да, то смогут ли они быть когда-либо использованы?)

В самые последние дни в Париже образовалась комиссия, которая займется собиранием, разборкой, подготовкой к печати и изданием всего, оставленного Нестором Махно, материала. О деятельности этой комиссии будут, вероятно, осведомлены широкие круги товарищей.

Могу добавить, что чрезвычайно важный труд Нестора Махно — его личные записки о революции на Украине — был им *совершенно закончен.* Первый том этих записок вышел из печати в 1927 году на французском языке и вскоре выйдет на русском. Второй том появится, вероятно, в непродолжительном времени. Третий и последний том подготовляется к печати. *Волин*

НЕСТОР МАХНО И ПОГРОМЫ

Извещение о смерти тов. Н. Махно "Форвертс" озаглавил так: *"Батько" Махно умер в Париже; его банды совершали погромы на евреев."* Извещение это заканчивалось утверждением, что тысячи евреев убиты бандами Махно.

Мы громогласно заявляем, что это—ложь и клевета, вполне объяснимая, когда она исходит от большевистских газет, вроде "Фрайгайт," от большевистского правительства или от реакционных националистических элементов, но она абсолютно необъяснима, когда исходит от газеты, претендующей быть социалистической, как "Форвертс." Махно был искренним другом и защитником еврейского трудового населения Украины. И Махно не был, как утверждает "Форвертс," "бывшим анархистом" и "бывшим революционером" — он умер, оставаясь анархистом и революционером. Все международное анархическое движение принимало в его судьбе горячие участие и поддерживало его материально и морально до последнего дня его жизни.

Мы располагаем бесчисленными данными и материалами, которые решительно и в корне опровергают все обвинения Махно и его повстанческого движения в еврейских погромах и указывают, с какой суровой решительностью Махно боролся с погромными попытками темных элементов, проникавших в его армию.

Приведем некоторые из них.

1) Во главе Культурно-Просветительной Комиссии штаба Повстанческой Армии Махно стояли многие евреи анархисты, например, Яша Алый (Краснопольский), Иосиф Готман (Эмигрант) с женами, затем Арон Барон, Сафьян (Вишневский) и некоторые другие, которые ни в каком случае не были бы с повстанческой армией, если бы она производила погромы.

2) Махновская армия одно время имела специальную еврейскую артиллерийскую батарею под командой тов. Шнейдера. (См. "Записки Махно," гл. 6, Еврейский вопрос. "Анархический Вестник," № 5-6, ноябрь-декабрь 1923 г. Берлин.)

3) Газета повстанческой армии Махно "Голос Махновца" редактировался в Харькове евреем, имя которого мы не можем назвать по конспиративным соображениям.

4) Анархическое движение Украины "Набат," насчитывавшие в своих рядах большое число активных анархистов евреев, имена которых мы считаем излишним приводить здесь, до конца поддерживало Махновское движение, чего несомненно не было бы, если бы "махновщина" практиковала погромы.

5) Махновские газеты — "Путь к свободе," "Голос Махновца" и орган Украинской Конфедерации Анархистов, являвшийся, фактически и органом Культурно-просветительной Комиссии штаба повстанческой армии Махно — "Набат" переполнены статьями и воззваниями, как самого Махно, так и

многих активных участников Махновщины, против антисемитизма.

6) Многие резолюции съездов, происходивших в районе Махновщины, многие резолюции штаба армии повстанцев и приказы самого Махно были специально направлены на борьбу с антисемитизмом. Так, например, Съезд Военно-Революционного Совета в селе Гуляй-Поле из представителей 32 волостей 7 марта 1919 г. вынес резолюцию, в которой писал: "Мы требуем, чтобы в революционной армии не было национальной травли" (См. "Гуляйпольский Набат," № 8, 13-го апреля 1919 г.).

Такое же постановление вынес 3-й районный Съезд 72 волостей и фронтовых частей, происходивший под председательством Махно в Гуляй-Поле 10 апреля 1919 г. (См. "Набат," № 14, 5 мая 1919 г.). В воззвании — "Кто такой Григорьев?" подписанном Коллегией штаба Дивизии имени "Батько Махно" и членами исполнительного комитета Советов Р. К. и Красноармейских Депутатов, мы читаем следующее: "Что говорит атаман Григорьев? С первых слов своего Универсала он говорит, что Украиной управляют люди, распявшие Христа. Братья! Разве вы не слышите в этих словах мрачного призыва к еврейским погромам?" (См. "Путь к Свободе," орган революционных повстанцев и Гуляйпольского Союза анархистов, № 3, от 4 июня 1919 г.).

7) Махно убил атамана Григорьева за Елисаветградский погром и за измену.

8) На погромное предложение деникинского генерала Шкуро Махно ответил наступлением.

9) Махно и его штаб беспощадно расстреливали грабителей и всех пытавшихся заняться погромными делами. Так, например, 2-й Съезд фронтовиков, советов и подъотделов имени "Батьки Махно" принял две резолюции о борьбе с погромами. Вторая резолюция гласит: "Гуляйпольский Районный Съезд фронтовиков, заслушав доклад с мест, ярко рисующий картину, невероятных ужасов пьянства, разгула, грабежей и убийств, чинимых якобы т. т. партизанами, и зная, что все это творится теми мерзкими элементами, которые присосались к честным революционерам для того, чтобы грязью заклеймить великое дело повстанческого движения, — постановил:

а) В виду того, что все эти насильники, убийцы и разбойники прикрываются в штабах — таковые упразднить и функции их передать особым отделам при советах;

б) Всех насильников и убийц расстреливать на месте преступления;

в) Для успешности проведения этого постановления организовать самоохрану, которая находилась бы под ведением вышеупомянутого отдела и подчинялась бы Совету фронтовиков, организующемуся в Гуляй Поле." (См. "Гуляйпольский Набат," № 5, 22 февраля 1919 г.; там же и по этому же вопросу статья Махно: "Ответ на открытое письмо т. Ангарца," а также см. упомянутую выше главу о Еврейском вопросе в "Записках Махно").

10) Товарищем председателя 3-го районного "махновского" съезда был еврей Коган, что было бы абсолютно невозможно, если бы "махновщина" занималась погромами.

11) Наконец, мы можем сослаться на еврейский комитет по изучению погромов на Украине во время революции; согласно публичному заявлению одного из виднейших деятелей этого комитета, *Чериковера*, сделанному им в Берлине на дискусси о "махновском" повстанческом движении, в которой принимали участие правые эс-эры, левые эс-эры (Штайнберг), бундовцы и меньшевики (Аронсон) и анархисты, комитет не мог найти никаких серьезных данных, которые бы давали возможность утверждать, что махновская армия совершала погромы, тогда как они имеют данные, что погромы совершались не только белобандитами, но и красной армией!

Мы думаем, что этого вполне достаточно, чтобы убедить самого отъявленного врага Махно и его движения, что они не только не совершали погромы, но самым решительным образом пресекали в корне всякие попытки к погромам и к антисемитской агитации.

Г. Максимов

...Но для того, чтобы это довольство перешло в действительность, нужно, чтобы весь этот огромный капитал — города, дома, распаханные поля, заводы, пути сообщения, воспитание — перестало считаться частною собственностью, которой захвативший ее распоряжается по своему усмотрению.

Нужно, чтобы все это богатство орудий производства, с таким трудом приобретенное, построенное, выделанное, изобретенное нашими предками, стало общею собственностью, чтобы общество, с помощью своего коллективного ума, могло извлечь из него наибольшую выгоду для всех.

Для этого нужна экспроприация. А потому довольство для всех — наша цель: экспроприация — наше средство. — П. КРОПОТКИН.

Библиография

НОВОЕ В СОЦИОЛОГИИ

В аргентинском издательстве "Рациональное Общество" в прошлом году вышла на еврейском языке книга А. Гордина под названием "Воспоминания и Размышления." Собственно говоря, это две книги в одном переплете. В первой автор касается некоторых эпизодов из революционных событий в России до-октябрьского периода 1917 г., в которых он принимал то или иное участие, а во второй он разбирает несколько важных социальных проблем не столько в объективном освещении опытов и уроков революции, сколько в их субъективно-оригинальном понимании. Обе части книги не имеют тесной, органической связи и разнятся как своей тематикой, так и характером материала. Короче говоря, первая часть книги мемуарная, вторая — теоретическая. Считая, что эти части надо было издать отдельно, я в настоящей статье коснусь только второй части книги в надежде вернуться к первой части в отдельной статье.

В социологии давно уже имеются новые понятия, расходящиеся с установленными идеями этой науки. Более того, имеются даже определенные течения и школы, внесшие новые понятия и новые идеи в старые социологические учения О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и других социологов. В русском социалистическом движении, например, известна социологическая школа, основоположниками которой считаются **А. Герцен, П. Лавров и Н. Михайловский.** Их воззрения на такие проблемы, как **личность и общество, роль личности в истории, труд и капитал, пролетариат и крестьянство, социализм и революция... во многом расходятся с марксистскими взглядами** на те же проблемы. Новые понятия были внесены не только в социализм, но и в анархизм — составную часть социологии. Помимо крупных теоретиков анархизма, как М. Бакунин, П. Кропоткин и Л. Толстой с их определенно выработанными идеями безвластия, коммунизма, коллективизма, свободы и морали, имеются и другие, правда, менее важные теоретики, как Новомирский, Л. Черный и А. Андреев, внесшие в анархизм новые понятия и идеи (синдикализм, ассоциационизм, неонигилизм). К числу последних надо прибавить А. Гордина с его новой теорией интер-индивидуализма.

Наиболее важными проблемами, разбираемыми автором, являются следующие: классовая борьба, труд, капитал и власть, кризис социализма, эволюция и революция и интер-индивидуализм. В первой статье о классовой борьбе он начинает с указания на марксистское понимание этой проблемы. Согласно Марксу, история человечества есть непрерывная борьба классов: патриции и плебеи — в древние времена, феодалы и крепостники — в средние века, капиталисты и рабочие — в новейшее время. Он попутно касается ленинского истолкования марксизма и классовой борьбы и считает, что Ленин правильно понял выдвинутую Марксом идею классовой борьбы. Но Ленин был не столько теоретиком, сколько практиком революции. Он, понятно, не отрицал классовой борьбы, но всегда подчеркивал, что в интересах революции классовая борьба пролетариата должна быть превращена в гражданскую войну. Он считал, что пролетарит в целом неспособен на революционное переустройство капиталистического общества в социалистическое. Свои главные надежды в этом отношении он возлагал на коммунистическую партию, как на революционный авангард пролетариата, и верил, что под его руководством компартия может совершить революцию и создать социалистический строй. Однако, горькая **действительность классовой борьбы, проведенной большевиками в России, доказала ту истину, что классовая борьба неизбежно приводит к классовой или партийной диктатуре, жертвами которой являются сами рабочие.**

В статье "Труд, капитал и власть" автор развивает следующие мысли: Государственные социалисты считают, что средний класс, в состав которого входят ремесленники, крупные и мелкие торговцы, как посредники между рабочим классом и капиталистическим постепенно беднеет и пролетаризируется. Но процесс пролетаризации не происходит повсюду одинаково. В некоторых капиталистических странах наблюдается даже обратный процесс: рабочие не беднеют, а богатеют, экономически и психологически приближаясь к капиталистическому классу. Государство, вмешиваясь в хозяйственную жизнь страны, стремится использовать и труд, и капитал в своих интересах. Государство и капитализм лишают рабочих реального права на полный продукт их труда. Чтобы добиться полного освобождения, рабочие должны покончить с государством и капиталистической системой и стать полными хозяевами свободного строя.

В статье "Кризис социализма" указывается, что о социализме и социалистическом движении многих стран существует богатая литература на различных языках. В этой литературе глубоко разработаны, как ближайшие задачи и требования социализма, так и его конечные цели. Социалистическое движение имеет миллионы сторонников и может по праву считаться массовым. Но это движение не свободно от внутренних раздоров, расколов и кризисов. Главные причины социалистического кризиса надо видеть, с одной стороны, в политической деятельности социалистов, а с другой — в диктаторском господстве "коммунистов." Власть реально приводит социалистов и "коммунистов" к деградации и вырождению в особую касту, заинтересованную в сохранении власти и мало заботящуюся о проведении в жизнь социалистических идеалов.

Все споры и дискуссии вокруг вопроса "Эволюция или революция?", по взгляду автора, ни к чему не ведут. В сущности, обе стороны правы. Эволюционисты правы в своей вере, что естественное развитие общества, жизни и людей постепенно ведет к осуществлению идеалов свободы, равенства и справедливости. Революционеры правы в своей вере, что без борьбы эти идеалы не могут осуществиться. Верно, что эволюция движется медленно, но так же верно, что революция ускоряет движение, приближая осуществление идеала.

Заключительная статья об интер-индивидуализме является наиболее интересной: в ней содержится все мировоззрение автора. Обобщая, надо установить, что интер-индивидуализм есть высшая форма индивидуализма. В начале истории было "общество"

в форме семьи, рода и общины, а затем народа или нации. Вся жизнь народов шла по линии достижения власти и господства над другими народами. Интернационал стремился к объединению рабочих на почве их общих экономических интересов, мало считаясь с интересами и потребностями отдельных личностей или индивидуумов. Интер-индивидуализм стремится к объединению индивидов в универсальном или мировом масштабе с целью защиты социальных и духовных интересов и потребностей каждой отдельной личности. Лишь таким образом можно обеспечить человеку свободу и счастье.

С объективной точки зрения интер-индивидуализм следует причислить к утопическим фантазиям и его нельзя считать высшим идеалом человечества. Такой же фантазией является и вера, что весь мир станет интер-индивидуальным и сразу превратится в земной рай. Даже в свободном, анархическом обществе "новый человек" не станет той интер-индивидуальной личностью, о которой так сильно мечтает автор "Размышлений."

Л. Липоткин

ВЫПАД ПРОТИВ ДИ-ПИ

АВСТРАЛИЯ.—Радиостанция "Голос Америки" бросила в эфир обвинение против возвратившихся в СССР пяти моряков, называя их "засланцами коммунизма." Поводом послужило то, что один из них выступил в России по радио с заявлением, что будто бы с Формозы их заманили в Америку капиталистические агенты и что в Америке обращались с ними, как с невольниками, и не хотели позволить им уехать на родину. О заманивании ком-агентами русских беженцев в большевицкий рай и о том, что по приезде в Россию обманутых людей заставляют под диктовку клеветать на западные страны, на это "Голос Америки" не обращает внимание.

Несправедливое обвинение возвратившихся на родину не выдерживает ни малейшей критики. Некоторых возвратившихся из Австралии в Россию я лично знал. Отцы их погибли на родине в борьбе с большевизмом, а они были увезены насильно в Германию в возрасте семи-тринадцати лет, что никак не подходит под "засланцев коммунизма." Возвращенцы убедились на практике в невозможности устроить собственными силами свою судьбу в изгнании. Своими силами стать на ноги не всякому удается. А государственная власть, "приютившая беженцев," если и помогает, то на общих основаниях, что для ди-пи, который нуждается в особой помощи, ничего не дает. К тому же не все беженцы молоды и не все физически сильны. Между ними немало больных, и часто на иждивении молодых находятся старики, больные их родители. Такой беженец, без особой помощи со стороны, в местах своего "приюта" влачит жалкое существование без всякой надежды на светлое будущее.

Божеская проблема разрешена неправильно. Сначала долго томили беженцев в лагерях ди-пи, где авантюристы лагерного управления довели их до аморального состояния, а когда нависла угроза полного разложения, открыли имиграцию, поспешно отправляя ди-пи в любую страну лишь бы избавиться от них. Беженцы записывались на иммиграцию куда угодно, так как осточертело сидеть и терпеть издевательства прохвостов лагерного управления. Но если ди-пи после своей записи отказывались выехать в намеченную страну, ссылаясь на объективную причину, то ему угрожали лишением права иммиграции. Поэтому жителям северо-восточной Европы пришлось выезжать в страны латинской Америки или в Австралию с губительным для северян жарким климатом, где беженцы болеют все время и все свои заработки тратят на врачей и лекарства, а лежание в госпитале поглощает все сбережение даже того, кто сумел накопить хоть немного денег. В результате такого затруднительного положения человек залазит в долги.

Существуют и другие причины, толкающие беженцев на возвращение. В странах Британского содружества, в частности в Австралии, существует национализм: всех эммигрантов делят на три категории; эммигранты английского происхождения принадлежат к первой группе, голландцы и другие — ко второй, а все остальные — к третьей. Первую и вторую группы встречали с почетом, хотя и не одинаковым, ставя их в более или менее сносные жизненные условия, а третьей группе — нуль внимания. Такое пренебрежительное отношение к третьей группе не говорит в пользу равенства.

Впрочем, англичане по натуре своей колонизаторы и упорные консерваторы. В Австралии ди-пи до принятия подданства находятся под сомнительной защитой; иногда иммигрант попадает под произвол какого-либо чиновника, доходящего до избиения невинной жертвы. На жалобу пострадавшего мало обращают внимания или судят Шемякиным судом. Один из бывших ди-пи был жестоко избит полицейским сержантом. Пострадавший, зная свою беззащитность в Австралии, подал жалобу в Женеву в Международный Красный Крест. Оттуда получил ответ: "Мы не вмешиваемся во внутренние дела страны." Возможно пострадавший подал жалобу не по адресу, но какой у него выход?

И если такой беженец после десятилетней попытки потерял надежду устроиться на новой родине, где с ним не считаются и третируют его не как гражданина благоустроиной страны, то он поддается большевистской пропаганде и возвращается в рабство. За свой поступок он не заслуживает обвинения в симпатии большевикам, а, наоборот, достоин сожаления, а те, кто его обвиняют, — фактические попутчики большевиков.

Возвращающиеся на родину беженцы не "засланцы коммунизма," а разочаровавшиеся в капиталистической "просперити." Капитализм загнил и от него несет нездоровым трупным запахом.

К. Лебедев.

Помощь журналу

В издательский фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" поступили, кроме отмеченных в письмах читателей, следующие пожертвования: Винипег, Канада, О. Довгалюк — 5 д.; Кливланд, Охайо, А. Громыко — 2 д. 50 с., А. Фещенко — 10 д.; Чикаго, Илл., Неизвестный—Брукфилд — 10 д.; Т. Ю. — 10 д.; Михайлов — 10 д.; И Волк — 5 д.; Чикаго, Илл., И. В. — 10 д. за проданные номера журнала, А. К. 5 д. в фонд журнала и В. Н. 5 д.; Майами, Флорида, Саня Зубрин — 5 д., Монтреал,Канада, Ева Шварц — 2 д., Могилевский — 1 д.; С. К. и С. М. — по 50 с., 25-й Отдел РООВА — 25 д.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие товарищи, посылаем вам 71 д., из коих 15 д. выручено от распространения журнала "Дело Труда-Пробуждение," а 56 д. составляют пожертвования в издательский фонд "ДТП." Жертвовали: М. Волынский — 20 д., Т. Шумович — 20 д., И. Чёрный — 10 д., Иван Сивко — 2 д., Яков Майданский — 2 д. и Н. П. Григораш — 2 д. В предыдущем выпуске нашего журнала (№ 50) мы поместили заметку о наших недочетах, упомянув об ушедших в небытие товарищах и о старых орлах, ставших домашней птицей. В ответ на наши сожаления мы получили письмо от нашего старого доброго товарища, в котором он пишет:

"Просматривая полученный № 50-й нашего журнала, я сосредоточил свое внимание на заметке Детройтского Профсоюза. Заметка небольшая, написанная простым ясным языком, но сколько боли, тягостных дум и чувств она вызывает!.. Как тяжело переживаешь потерю хорошего, преданного товарища, многих товарищей. Еще хуже то, что здесь их никто не заменит, что нет молодых, свежих сил и что наше движение неизбежно слабеет.

"Но это, должно быть, удел **всякого эмигрантского** движения. Наше движение, к горькому сожалению, не знает такого радостного явления, как анархическая смена, когда поредевшие ряды анархического движения замещаются новыми силами, как это было в свое время в России. Однако, как ни печально наше положение, унывать не следует. Будем продолжать свою деятельность до последней возможности, надеясь вместе с тем на молодые анархические силы в России..."

Все, что мы можем сказать, это сердечно поблагодарить нашего дорогого товарища за его письмо, а также всех товарищей, которые поддерживают нас морально и материально.

Профсоюз г. Детройта

МОНТЕКА, Калифорния. — Уваж. труженики, получил № 50-й вашего журнала "Дело Труда-Пробуждение" и прочел его с большим вниманием. Содержание журнала, — что свежий утрений воздух, бодрит и радует. Честь вам и слава за ваши труды и призывы к разуму, совести и свету. Жаль, что мир, воспитанный духовенством на суеверии и предрассудках, не может освободиться от этого порока и создать социальное равенство на земле вместо воображаемого царства после смерти на небе. Прилагаю 5 д. на ваши расходы и шлю вам мой привет. **Семен Рыбин**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Живя в сумасшедшем, всегда торопящемся мире, я начинаю избегать шумных улиц, шумных собраний и массивных потоков живых людей, движущихся в разные стороны: в спешке могут растоптать и смешать с ненужным, выброшенным хламом... Иногда становится обидно, как можно забыть и не считаться с теми людьми, которые так много сделали для того самого общества, которого сейчас начинаешь бояться?.. Поэтому, когда теперь, во дни маразма и лихолетия, во дни эгоистического стяжательства, кто-нибудь из прежних единомышленников и товарищей по идее искренно, участливо спросит тебя, "как поживаешь" или "как себя чувствуешь?" — волнующая бодрость духа охватывает все твое существо, а в мозгу, как на экране, проходят события одно за другим... Их было так много... так много было когда-то сделано вместе... казалось, нашим желаниям нет конца, ничто нас не задоволит. Еще многое осталось не оконченным...

Самое главное в этом — участливость, что ты неодинок, не забыт товарищами. Радость жизни — в творческом созидании и в сознании, что все мы, все человеческие существа, нужны друг другу. Любовь всех согревает, как солнце.

Моя поездка по южным штатам прошла хорошо. Будучи в С-Франциско, я не мог провести время со своими единомышленниками, их там нет. Все, что там видно, — церкви, беженцы от большевиков и второй мировой войны, русские молокане. Русская колония — большая, но своеобразная; русская пресса тоже большая, но не наша. Жизнь там своеобразно веселая. Поездка взяла не мало времени. Но, как говорят, в гостях хорошо, а дома еще лучше. И только по приезде домой, действительно, оценишь **свой дом** и даже штат, в котором прожил долго. Теперь я с новой энергией погрузился в работу по добыванию хлеба насущного. **И. Сивко.**

СЕЙМОР, Конн. — Здесь мало кто остался из прежних русских товарищей и знакомых. Вообще осталось очень мало товарищей, знающих нас, или тех, с которыми можно переписываться. Я почти нигде не бываю и редко встречаю старожилов. Иногда навещаю Нью Хэйвен, кое-кого встречаю там, но все уже постарели, нет прежней активности. После операции я уже поправился, работаю каждый день, но чувствую, что старею, устаю. "Старость — не радость." **В. Г. Б.**

АНСОНИЯ, Конн. — Довелось опять побывать недавно в этом богоспасаемом индустриальном городе, который не успел еще отстроиться от прошлогоднего наводнения. Теперь на известную часть населения надвинулась новая беда: большие заводы и фабрики автоматизируются и машины-автоматы вытесняют рабочих, в особенности стариков, проработавших по 15-20 или более лет, но еще не достигших пенсионного возраста — 65 лет. Их выбрасывают на улицу, только счастливчиков переводят на другую работу, но с пониженными ставками заработной платы. Чтобы не умереть с голода, "счастливчикам" приходится мириться с положением, ибо в таких летах другой работы не найдешь. Даже юношам трудно бороться со все охватывающим капиталистическим злом...

Печально, что народ никак не может понять, почему у него отнимают право на существование. Как долго он будет еще преклоняться перед давно отжившей несправедливой капиталистической системой, дающей немногим все земные блага и право злоупотреблять собственностью, а бедным слоям населения диктующей — наемное рабство? Не пора ли серьезно подумать об этом?!... **В. Р.**

ЛУИСБУРГ, Нова Скошия, Канада. — В данный момент нахожусь в этом маленьком порту-деревушке, некуда зайти, но зато есть две церкви — англиканская и католическая. Впервые в моей жизни попал в такое глухое место...

Недавно был в Буэйнос Айресе и Монтевидео, затем в Лондоне и Атверпене, где получил № 49 журнала "Дело Труда-Пробуждение."

Хочу сказать несколько слов о Моррэй Ахария, с которым я встречался много раз в Бомбее в 1946-47 гг. Случилось так, что в 46 году, прибыв в Бомбей, я заболел и попал в госпиталь, а по выходе

из больницы пришлось ждать еще около двух месяцев на пароход для отправки в Англию. Я решил встретиться с т. Ахария, адреса которого я не имел. Все же мне удалось найти дом, в котором он жил, где я часто потом бывал и проводил время с ним и его женой (русской). Часто встречал я их и на улице в центре Бомбея. Потом мы переписывались. Однажды Ахария сообщил мне, что жена его умерла и что сам он плохо себя чувствует. Потом узнал из "ДТП," что он тоже умер. Вечная ему память. Индия потеряла выдающегося борца за свободу.

Я. А. К.

ЛОС АНДЖЕЛЕС, Калифорния. — Уважаемые друзья, от группы русских товарищей посылаю вам 40 д. на издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" и желаю вам успеха в дальнейшей деятельности за освобождение трудящихся от всякого порабощения и эксплуатации. **А. Рогат.**

ДЖЮНО, Аляска. — Уваж .труженики, посылаю вам 1 д. в счет подписки на журнал "Дело Труда-Пробуждение." Старый рыбак **Т. Балов**

МОНТРЕАЛ, Канада. — Уваж. товарищи! На издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" посылаю 2 д.. 1 д. от меня, а другой от т. А. Тукала. **В. Шехов**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Очень сожалею, что не мог прислать раньше мое пожертвование на журнал "ДТП." Причина очень простая: все мы стареем, болеем, изнемогаем. Очень рад, что среди нас есть еще люди здоровые, крепкие духом, работающие для общего дела безвластия, ради достижения свободы, справедливости и равенства для всех. Примите от меня 10 д. на журнал. **А. Рапецкий**

БРИДЖПОРТ, Конн. — В фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" посылаю 5 д. Был бы я очень рад, еслибы журнал выходил ежемесячно. **И. К. Дель**

АСКИМ, Норвегия. — Обращаюсь к вам с сердечной просьбой прислать мне хоть один номер журнала "Дело Труда-Пробуждение." Нахожусь я один в маленьком городке, где нет никаких книг и газет, а почитать хочется что-нибудь на своем родном русском языке. **Владимир Довгун**

Поступили в Редакцию

INDIAN LIBERTARIAN — ежемесячный независимый журнал экономики и общественных дел. Начал выходить с 1 апреля с. г. вместо "Свободного Экономического Обозрения." Журнал уделяет главное внимание идеалам и проблемам свободного общества и его экономики Редактирует журнал Miss Kuzum Lotwala. Адрес журнала:

INDIAN LIBERTARIAN
Arya Bhuvan, Sandhurst Rd.
Bombay — 4, India.

ВЕСТНИК Института по изучению СССР № 18. Январь-Март 1956. Мюнхен, Германия.

45-я книга "НОВОГО ЖУРНАЛА" под редакцией М. М. Карповича.

Адрес "Н. Ж.":
"New Review," 223 W. 105th St., New York 25, New York.

Финансовый Отчет Редакционной Коллегии "ДТП"

от 10-го апреля 1956 г. по 1-го сентября 1956 г.

ПРИХОД:

Перенос	$ 53.45
Поступило в фонд журнала	248.00
Поступило за проданные номера	18.50
Подписка	4.00
Итого	$323.95

РАСХОД:

Издание и экспедиция	$355 75
За помещение за 5 месяцев	50.00
Уплочено за почтовый ящик за полугодие	12.00
Итого	$417.75
Дефицит	93.80

Долго люди пытались разрешить неразрешимую задачу: "найти такое правительство, которое могло бы заставить личность повиноваться, причем само не выходило бы из повиновения обществу." Теперь же человечество старается освободиться вовсе от правительства и удовлетворять свои потребности путем свободного соглашения между личностями и группами, стремящимися к одной цели. Независимость каждой территориальной земельной единицы, т. е. деревни, города, области, страны, становится настоятельною потребностью; взаимное соглашение заменяет собою понемногу законодательство и направляет отдельные частные интересы к одной общей цели, независимо от государственных границ.

— П. КРОПОТКИН.

Каталог Книг

П. А. КРОПОТКИН: Хлеб и Воля	$1.50
— — Взаимная Помощь	1.00
— — Этика (в переплете)	1.25
— — (без переплета)	1.00
— — Речи бунтовщика	1.00
— — Современная наука и анархия	1.50
— — Великая Французская Революция	2.50
— — Анархия, ее философия и ее идеал	.15
Интернациональный Сборник—П. А. Кропоткин и его учение	1.00
ТОМАС ПЭЙН: Век Разума. Критика Библии	1.00
НОВОМИРСКИЙ: Что Такое Анархизм	.50
РАЕВСКИЙ: Анархо-Синдикализм	.25
НЕСТОР МАХНО: Русская Революция на Украине	1.00
МАКС НЕТТЛАУ: Очерки по Истории Анархических Идей (в переплете)	3.00
— — (без переплета)	2.00
А. А. КАРЕЛИН: Вольная жизнь	1.00
Е. З. ДОЛИНИН (Моравский): В вихре революции (в мягкой обложке)	3.00

Все заказы просим направлять по адресу "ДТП."

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.